

ОЛЬГА ГОЛОТВИНА

ПРИВЫЧНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Постоялый двор

Ольга Голотвина

Привычное проклятие

«Автор»

2009

Голотвина О. В.

Привычное проклятие / О. В. Голотвина — «Автор»,
2009 — (Постоялый двор)

Как быть хозяину постоялого двора, если ведьма сгоряча прокляла его: «Чтоб у твоего порога сошлись все дороги – и по каждой прикатила неурядица! Чтоб на твой двор ворохом валились чужие невзгоды, а ты б замаялся их перебирать!» Как быть? Да просто жить – среди сыплющихся на постоялый двор опасных приключений, невероятных совпадений, удивительных встреч, чужих тайн. Жить, разбираясь с разбойниками, троллями, тварями из Подгорного Мира. Жить, улаживая сложные дела постояльцев. А тут еще из-за Грани нагрянули ящеры с намерением завоевать твой мир – и как же их спасти, этих чешуйчатых бедолаг?.. Но так ли она плоха, эта бурная, увлекательная жизнь?

Содержание

1. ВЫВЕСКА	6
2. СЕРАЯ ПТИЦА	29
3. ОГОНЕК ВО ТЬМЕ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ольга Владимировна Голотвина

Привычное проклятие

Моим друзьям по форуму Prikl.ru – за то, что на форуме я как дома.

(296 год Железных Времен)

1. ВЫВЕСКА

Троль возвышался в распахнутых воротах. Он был на голову выше собратьев, сгрудившихся у него за спиной. Вожак, главарь! Грудь, поросшая бурой шерстью, выпятилась так, словно вызывала на себя прямой удар тарана. Мощные ручищи обвиты мышцами, похожими на сытых змей. Ноги – как древесные стволы, только не врастают в землю корнями. Плечи такие, что кажется – сейчас троль поведет ими и повалит столбы ворот! Харя со злобными красными гляделками и расплюснутым носом, похожим на рыло кабана, могла бы навести страх даже на десяток бывалых наемников.

А уж кучка промокших, потрясенных, жмущихся друг к другу людей и вовсе была на грани отчаяния! У них не было сил не только сражаться, но даже разбежаться по двору в поисках укрытия.

Все навалилось на них быстро и страшно: и великаны-тролли, вошедшие по грудь в реку и опрокинувшие их корабль, и холодная осенняя вода, и выматывающий бег по берегу.

Тролли бегают медленнее людей, но они гораздо выносливее. Конечно, они загнали бы свою измученную дичь...

Если бы не высокий частокол, не гостеприимно распахнутые ворота. И не крижистый седой человек, что стоял сейчас перед вожаком троллей, высоко подняв факел.

Человек был чудовищу по грудь, но глядел на него, как господин на провинившегося раба. И факел держал так, словно желал получше рассмотреть физиономию великана, хотя на дворе стоял белый день.

Беглецы с изумлением и ужасом ждали: вот сейчас троль шагнет вперед, ударом могучей лапищи превратит голову смельчака в кровавую кашу. А потом двинется вперед, сокрушая все на своем пути.

Нет. Молчит. Не шевелится. А стая за спиной – та и вовсе отступила на пару шагов.

– Ты, Битая Рожа! – холодно и властно заговорил человек. – Осень только на двор, а ты уже по нашим краям шляешься? Зимы вам, уродам, мало?

Троль переступил с ноги на ногу, склонил голову на короткой шее и что-то промычал.

Этот звук вывел спасшихся людей из оцепенения. Кто-то крикнул:

– Ворота! Закройте ворота, ради Безликих!

– Вот еще! – надменно отозвалась крепко сложенная женщина в синем платье. Она тоже держала факел. – Было бы из-за чего с воротами возиться! Сейчас муж этих недоумков выгонит, обедать будем... Кринаш! – повысила она голос. – Что ты с ними рассусоливаешь? Гони в шею, а то у меня еще младшенькая не кормлена!

– Сейчас! – отозвался муж, не сводя глаз с незваного гостя. – Ты послушай, что Битая Рожа вякает. Добычу свою требует! Ну обнаглели, пора опять учить!

И тут над двором зазвенел решительный голосишко:

– Уходи отсюда, Битая Рожа!

Карапуз лет четырех, выскользнув из-за подола хозяйки, бесстрашно сделал несколько шажков к воротам. Обеими ручонками он, как меч, сжимал большой кухонный нож.

Мать не остановила смелого малыша – лишь шагнула следом и с мрачной решимостью подняла факел, готовая защищать свое сокровище в любой драке.

Появление мальчугана не отвлекло его отца. Он повысил голос и заговорил медленно, почти сливая слова, так, что речь его походила на мычание тролля:

– Добычи нет. Мои люди. Моя стая. Рассержусь. Попорчу шкуру.

– Хозяин! – донеслось откуда-то слева. – Корабль вынесло на Загребушую косу!

Никто не обернулся на голос. Кринаш тоже не отвел взора от красных буркал тролля.

– Лодка на мели, – продолжил он протяжно. – Плохо. Стая берет лодку и несет сюда. Иначе сильно сержусь.

Вожак троллей шагнул назад. Соплеменники повторили его движение. Затем стая разом повернулась и бросилась наутек, словно за ними гнался отряд великого воина Керутана, прозванного Грозой Нежити. Тролли бежали, пригнувшись так, что руки почти касались земли, и на ходу громко ухали – то ли от страха, то ли от разочарования.

Спасенные люди с облегчением вздохнули. Кое-кто, обессилев, опустился на землю посреди двора. Женщины заплакали.

Кроме хозяйки, которая сунула факел в стоящее у ворот ведро с водой и спросила мужа:

– Ты впрямь ждал, что они тебе корабль притащат?

Хозяин тоже опустил свой факел в ведро и небрежно повел широким плечом:

– Ясно-понятно, не ждал. Зато уж точно не вернутся до морозов. Боятся, что и впрямь их в работу запрягу. – Он подхватил на руки малыша. – Ах ты, мой вояка!

Теперь стало видно, что он не так стар, как казалось из-за седых волос. Лет сорок пять, а то и меньше.

Женщина подобрала нож, который выронил «вояка», и зашагала к крыльцу, на ходу крикнув кому-то:

– Недотепка! Ты как за ребенком смотришь? Почему он до ножа добрался?

– Вот и все... – начал было «повелитель троллей», обернувшись к спасенным людям. Но договорить ему не дали.

– Да как же они тебя не сожрали?! – почти обвиняюще крикнула одна из женщин.

– Тролли умом не блещут, – спокойно объяснил хозяин. – Но самые тупые твари умнеют на глазах, если на них смотрит во-от такая штука!

Только сейчас – словно разрушились чары – все оторвали взгляд от своего спасителя и обернулись налево, куда небрежно указал Кринаш. И увидели то, что при иных обстоятельствах бросилось бы в глаза сразу же.

С внутренней стороны частокола была сооружена земляная насыпь, укрепленная досками. С ее вершины на округу хищно поглядывала катапульта. Настоящая. Из тех, что одним своим видом вселяют смятение в души защитников осажденного города.

– Да чтоб я сдох за бесплатно! – ахнул долговязый остролицый парень (единственный, у кого в руке был меч). – Слышь, хозяин, но она же в такую близь не ударит! За реку шархнет, на опушке цель накроет, а здесь, в воротах... даже если лупить навесными...

– Наемник? – потеплел голос Кринаша. – Я и сам до десятника дослужился. А Битая Рожа сроду в войске не бывал. Откуда ему знать, что рядом с катапультой стоять безопасно?

– Ах, чтоб меня Серая Старуха в луже утопила! – шагнул к хозяину плотный пожилой человек с обветренным лицом. – Слышал я про тебя, Кринаш, но чтоб этак... Ну будем знакомы. Я Фержен Лесной Шмель из Рода Нерхоут. Новый капитан «Шустрой красотки»... то есть был капитаном, пока ее тролли не потискали, «Красотку»-то... – Фержен помолчал, плечи его поникли. – А раз ей больше не плавать, так уж и не знаю, кто я теперь такой.

– Не торопись оплакивать мою давнюю подружку! – хохотнул Кринаш, ставя малыша на землю. – «Красотка» с троллями уже целовалась, а все плавает, стерва старая! Слышал, что сказал мой раб? Ее вынесло на Загребущую косу. Туда течение все прибывает – коряги, бревна... и твою лапушку. Может, сумеешь починить.

Нахлынувшая надежда потрясла Фержена, он даже не сразу понял, что говорит ему Кринаш. Ах да, спрашивает о прежнем капитане!

– Он решил осесть на берегу. Я у него «Шустрюю красотку» и сосватал, дурень этакий! И ведь некого ругать, Хозяйка Зла под руку не толкала – сам вынул кошелек и денежки отдал! Знал бы, что в здешних краях так весело, потратил бы денежки поумнее.

– Ну, тролли – зимние твари. Битая Рожа в этом году что-то поспешил, осенью нагрнул... Да ладно, Многолика с ним, с Битой Рожей! Добро пожаловать на постоянный двор, господа. Я – Кринаш Шипастый Шлем из Семейства Кринаш. Ясно-понятно, лучше б нас познакомил кто другой, не людоеды. Ну, Дагерта, – кивнул он жене, – води женщин в дом, пусть у огня обсохнут. Господином, у которого сломана рука, займется Молчун. Остальным лучше пойти со мной к кораблю и глянуть, что из поклажи можно спасти. Прямо сейчас, а то здешние крестьяне не дураки растащить, что река к берегу прибьет. Эй, Верзила! Неси веревки, мешки, захвати обе лопаты. Может, корабль на воду спихнем, если не сильно поломан.

Как ни были путники потрясены пережитой опасностью, никто не отказался идти к выброшенной на мель «Шустрой красотке». Когда отступает смерть, будничные заботы набрасываются на человека прямо с остервенением.

Высокий, плечистый раб принес все, что было велено. Люди, превратившиеся из спасенных в спасательную команду, принялись разбирать веревки и мешки.

– Хоть лепешек возьмите! – Длинное, с квадратным подбородком лицо Дагерты хмурилось. – А лучше послали б Верзилу гонять чужаков от лодки, а сами поели бы по-людски!

Гости разом загомонили: им, мол, кусок в рот не полезет, пока не узнают, кого река обобрала дочиста, а кому удастся вернуть хоть что-то из своего добра. Хозяйка махнула рукой – мол, как угодно! – и велела растрепанной девчухе-служанке уложить в холщовый мешочек лепешки.

– И я пойду! – сообщил из-за спины Кринаша властный голосишко. Не попросил разрешения, просто поставил старших в известность.

– Да куда ж ты, сыночек! – всплеснула руками Дагерта. – Не покушал, и от реки холодом тянет!

– Пусть идет, – вступился за своевольного мальчишку отец. – Все равно из дому сбежит и за нами увяжется. А так хоть у меня на глазах...

Кринаш замолчал, оборвав фразу. Застыл, напрягся, словно матерый котище, слышавший под лавкой подозрительное хрупанье. А затем грозно выдохнул:

– Ну, я ж его!..

И ринулся в распахнутую дверь сарая.

Послышалась возня. В дверь, протестуя кудахча, вылетели две возмущенные курицы. Наконец появился хозяин, волоча за шиворот упирающегося тощего, востроногого человечка, к потрепанной одежде которого пристало сено.

– Я тебе, зараза, покажу, как от меня прятаться! – приговаривал Кринаш.

– Я от троллей! – визгливо оправдывался востроносый. – Я не привык! У меня тонкая натура! Я не могу работать, когда вокруг чудовища!

– Врет! – отозвалась с крыльца Дагерта. – Он на пару со своей тонкой натурой еще с утра от меня запрятался. А то б я его хлев чистить отправила.

– О боги! – воззвал человечек в небеса. – Служителя высокого искусства – чистить хлев?! Да мои картины украшают дворцы и замки трех стран!

– Тогда почему мой постоянный двор до сих пор не украшает вывеска? – взрычал Кринаш. – Другие, у кого денег нет, не ленятся честно отработать ночлег и еду, а этот... Я же ясно-понятно сказал: намалюешь вывеску – и мы в расчете!

– «Намалюешь»... О Безымянные, вы это слышите?!

– Что ты с ним нянчишься, с прохвостом? – вознегодовала хозяйка. – То ему солнца мало, освещение неправильное, то сыро – краски, мол, не так ложатся! Врет он все, Кринаш, никакой он не художник. Спер где-то кисти-краски, а рисовать не умеет.

От такого оскорбления человечек онемел, запустив длинные пальцы в растрепанные светлые волосы.

– Не умеет – и впрямь отправлю чистить хлев! – посулил хозяин. – Но уж больно мне вывеску захотелось! Доски я сколотил? Сколотил. Чтоб большая была, чтоб от самой излучины видно! – Лицо утратило жесткость, стало мечтательным. – Чтоб во-от такими буквами: постоянный двор Кринаша!

– Завтра с утра и начну, – примирительно пообещал художник.

– А сегодня – бездельничать? – встрепенулся хозяин. – Ну уж нет! Пойдешь с нами разгружать корабль.

– Мне руки беречь надо. У меня ремесло тонкое. Я сегодня доску загрунтую.

– Тьфу! Ладно. Но чтоб завтра у меня...

Владелец постоянного двора шагнул к воротам. Вслед ему рванулось негромкое, молящее:

– Кринаш!

Хозяин обернулся к незадачливому постояльцу.

Художник, бледный, чуть не плачущий, беспомощно протянул к нему руки:

– Кринаш, ты пойми! Я не могу, я учителю слово дал! Он говорил: будешь размениваться на всякую мазню – талант уйдет, как вода в песок. Это как тигра заставить ловить мышей – сдохнет он, Кринаш! Не от голода сдохнет, так от стыда! И дрова колоть мне нельзя, и хлев чистить – я же обязан беречь руки! Это мой инструмент! Ну, ладно, я сейчас на мели, но я и вправду могу создать шедевр! Я чувствую, знаю это... но нельзя осквернять мою кисть малеваньем трактирных вывесок!

Кринаш был почти растроган, но последняя фраза все испортила. Его постоянный двор, его владение, его империю сравнивают с жалким трактиром! Вывеску, которой он заранее гордился, объявляют недостойной мазней! Кисть она осквернит этому проходимцу!

– Шедевр? – тяжело прищурился Кринаш и помолчал, словно пробуя на вкус незнакомое слово. – Шедевр... Вот тут его и создавай, раз такой мастер! Если завтра к вечеру вывески не будет – вышвырну тебя за ворота на ночь глядя! Слыхал небось, каково в наших краях ночевать под открытым небом? В деревню можешь не соваться. Хозяин «Жареного петуха» бесплатно родную мамашу не приютит.

Художник побелел, отшатнулся. А Кринаш сплюнул и вернулся к своим заботам, поставившись выбросить из головы востроносого чудака с его капризами.

* * *

– А у тебя хорошо идут дела, приятель, – сказал капитан Фержен хозяину постоянного двора, выходя вместе с ним за ворота.

– Не жалуюсь, идут кое-как. На хлеб хватает.

– Не скромничай. Все-таки трех рабов купил.

– Трех? Я? Всего-то двух, и тех с изъязнением, по дешевке.

– Ну как же! Вон тот, здоровенный, что впереди вышагивает, – раз! Тот, что дома остался, купцу руку лечит, – два! И девчонка, которая нам лепешки...

– Недотепка? Она не рабыня. Так, прибилась, неизвестно чья, сирота вроде. Ей всего-то лет двенадцать. И она с придурью. Заговорит – несет несусазицу. Работать начнет – все из рук да вдребезги! Я поначалу хотел согнать со двора, да жена что-то к ней привязалась. Мол, погоди, муженек, из служаночки выйдет толк. Ха! Толк из нее давно вышел, а бестолочь осталась.

Фержен отвернулся, чтобы скрыть ехидную улыбку. Нетрудно догадаться, почему хозяйка так терпелива с девочкой. Для Дагерты, с ее лошадиной физиономией, была сущей находкой служанка еще более некрасивая, чем она сама. Девчонка, Недотепка эта самая – такие и с возрастом не расцветают!

– А теперь и подавно не выгоню, – вздохнул Кринаш. – Задолжал я ей.

– Задолжал? Ты? Девчонке этой?

– Ну да. Не усмотрели мы весной за Нурнашем. Убежал, негодник, на берег, влез на старую иву – и сорвался в реку. Там такое течение, что не всякий взрослый выгребет. А Недотепка – дура душой, а плавает, оказывается, как щука! Сиганула в воду...

– Пап! – прервал рассказ детский крик, в котором звенели слезы. – Пап, мой тополек!

Отец тут же прервал беседу, махнул спутникам – мол, идите, я вас догоню! – и поспешил к сынишке, который стоял неподалеку, сжав кулачки.

– Пап, смотри! Это Битая Рожа! Зря мы его живым отпустили!

С первого взгляда отец понял причину такой кровожадности своего отпрыска.

Меж камней рос молоденький, чуть выше Нурнаша, тополек, дерево в здешних местах редкое. Должно быть, клочок пуха с семенами добрался сюда на плаще какого-то путника. Нурнаш обнаружил деревце летом и почему-то к нему привязался. Даже, пыхтя от усердия, поливал из добытого на кухне ковша. Весь дом знал о новой забаве хозяйского сына. А теперь тополек сломан! Мальчик прав: деревце попало под ноги кому-то из удиравшей стаи.

Кринаш глянул в покрасневшее от горя и злости личико сынишки и бодро заявил:

– Поможем! Не до конца деревце сломалось! А ну-ка, я сейчас...

Выломать в кустах сухую прямую ветку, в два счета очистить ее ножом от мелких веточек... И вот уже четыре руки бережно прилаживают на место вершинку. Теперь надо примотать чем-нибудь к деревцу палку, как приматывают дощечку к сломанной руке...

Увы, у Кринаша не оказалось с собой веревки. А «спасательный отряд» успел далеко отойти по берегу.

Отец не успел даже огорчиться – малыш уже развязал свой поясок:

– На, пап, держи!

Когда у человека так гордо и счастливо светятся глаза, ни к чему напоминать ему, что красивый пояс с красными кисточками куплен у бродячего разносчика отнюдь не задаром и что мать за этот пояс им обоим еще задаст.

– Подержи вершинку, сынок, чтоб ровненько... Вот, вот... и вот!

Двое мужчин, большой и маленький, отступили, чтобы полюбоваться своей работой. Тонкое деревце, туго обмотанное детским пояском, неуверенно расправляло ветви на легком дразнящем ветерке.

– Пап, тополек не засохнет?

– Не должен бы. Ну, пойдем, а то отстали мы от своих!

Кринаш удивился бы, если бы узнал, как важно то, что он сделал сейчас.

А что он, собственно, сделал? Просто не дал пролиться детским слезам, которые уже закипали в темнокарих глазенках.

* * *

Синий мягкий вечер испуганно и недоверчиво заглянул в окно – и отшатнулся от ярких отблесков огня, веселых голосов, бодрого перестука глиняных кружек по столам.

А почему не праздновать людям, чудом избежавшим смерти, а потом спасшим почти все свое добро? Ни тролли, ни люди не разграбили груз «Шустрой красотишки», да и сама она предстала взору капитана вовсе не грудой бревен и досок.

И теперь Фержен, покрасневшийся от выпитого вина, уперся локтями в столешницу и благодушно внимал рассказу хозяина о том, как на постоянный двор попала катапульта. Грозное осадное орудие было брошено силуранской армией, в панике отступавшей из-под стен грайанской пограничной крепости Найлигрим. Тогда многое было брошено и потеряно – но только не голова десятника Кринаша. Он прикинул, что катапульта может пригодиться, и не пожалел мелочишки для местных, чтоб помогли укрыть «находку» в овраге. Позже, когда купил посто-

ялый двор, вывез катапульту частями по Тагизарне, собрал, установил – разбегайтесь, враги! Ни тролли не сунутся, ни речные пираты!

При слове «пираты» капитан встрепенулся, потребовал подробностей. В разговор вступили другие путники, подтянулись из-за соседних столов, сели рядышком.

Купец со сломанной рукой – человек, как выяснилось, бывалый и много повидавший – начал рассказывать о свирепствующем в верховьях реки наррабанце Сархе, которого Хозяйка Зла привела в эти края. Как будто не мог вволю злодействовать у себя в Наррабане!

Кринаш тоже с удовольствием послушал бы страшные истории. Мог бы и сам кое-что рассказать. Например, про красавицу Вастер Долгую Метель, что два года назад стала супругой властителя Замка Трех Ручьев – и теперь округа полнится смутными и жуткими слухами об особых пристрастиях этой необычной женщины...

Но его отвлек шорох под столом.

Ну, ясно-понятно! Недотепка! Забилась под стол, насторожила лопушистые уши. Готова лечь спать голодной, лишь бы послушать, о чем гости беседуют.

Вот паршивка, а?! Дагерта одна должна вино гостям подливать, еду разносить, а эта бес-толочь здесь прохлаждаться будет!

Опустив руку под стол, Кринаш точным движением цапнул лентяйку за шиворот. Раздалось отчетливое: «Ой!»

– Марш хозяйке помогать, горе мое разнесчастное!

Хотел отвесить бездельнице затрепину, но рука не поднялась. На дурочку Недотепку трудно сердиться. Уж очень нелепая и смешная рожица у девчушки! Больше всего похожа на игрушку из лоскутов, какие шьют матери детям в бедняцких семьях. Этакая славная уродина-кукла с торчащими косичками из соломенных жгутов и с плоской физиономией, на которой нарисованы круглые глазищи и растянутый в вечной улыбке рот.

– Ступай воды принеси, лупоглазая, – смягчившись, велел хозяин.

Девочка опрометью вылетела за дверь. В сенях раздался грохот. Кринаш безнадежно вздохнул – и тут уловил в общем гаме негромкий женский голос.

– ...красивый сад с редкими южными деревьями. Я слышала: с огромными листьями, с цветами. Кажется, какой-то властитель развел...

Кринаш вздрогнул. Что его взволновало? Слова «южные деревья», которые вызвали в памяти что-то потаенное и недоброе? Или то, что заговорила молчаливая гостья в мужской одежде, до сих пор сидевшая в стороне от веселой компании и рассеянно, ложку за ложкой, отправлявшая в рот рыбную похлебку? Похоже, она не ощущала вкуса еды – так углубилась в раздумья.

А ведь эта постоялица, не назвавшая своего имени, будет познатнее прочих гостей, видно по манере держаться. Ну, может, не Дочь Клана – тогда Дочь Рода, не ниже. И совсем юная, лет девятнадцати. Прямая, тонкая, голову держит высоко.

– Ой, да что госпоже наговорили? – всплеснула руками Дагерта. – Какие у нас сады, какие южные деревья? Глухомань тут! Властителей с замками почитай что нету, потому как земли королевские. Есть, правда, замок одного из Спрутов, этак сутки пути, но сады высокородный господин не разводит. Уж я бы знала, на постоянный двор все слухи стекаются.

«Почему она путешествует одна? – недоумевал Кринаш. – В спасенной дорожной суме уцелел кошелек, юная дама платит не скупясь. Деньги, стало быть, имеются, а родни, чтоб позаботиться, – никого? Или такая родня не людская, что отпустила молодую женщину одну в опасный путь?»

Кринаш поймал себя на том, что думает о госпоже как о женщине, даме. Ни разу не назвал эту юную, хрупкую особу девушкой или барышней.

Гостья, помрачнев, поднялась из-за стола:

– Спасибо за угощение, хозяйюшка. Пойду, спать пораньше лягу.

– Ой, – огорчилась Дагерта, – или мы госпоже не угодили? Съела-то всего ничего!

Гостья бросила взгляд в миску, словно пытаясь понять, что она, собственно, ела.

– Нет-нет, все было вкусно. Просто я устала.

– Сейчас возьму свечу, провожу...

– Не оставляй гостей, хозяйюшка. Я помню, куда ты отнесла мои вещи.

Кринаш вскользь подумал, что его умница Дагерта отвела гостье лучшую комнату. Настоящие господские покои, даже кровать с балдахином!

Но про какие сады расспрашивала госпожа? Почему ее слова тревожат Кринаша?

«Южные деревья...»

Перед глазами поплыли тонкие прямые стволы, перистые легкие листья, цепкие змеи лиан, яркие цветы.

Да не может этого быть! Госпожа говорила совсем о другом! Может, в замке у Спрута растет какая-нибудь чахлая пальма в кадке, а слухи превратили эту кадку в сады!

Но на сердце тяжело, вино потеряло вкус, застольные истории скользят мимо слуха.

А зачем гадать? Пойти да спросить госпожу! Сейчас, сразу, пока она не легла спать!

Кринаш поднялся на галерею, опоясывающую трапезную. Впереди мелькнула женская фигурка, скрипнула дверь – гостья скрылась в комнате.

И сразу – вскрик, грохот, треск! Ну будто в комнате делает приборку Недотепка!

Хозяин без стука ворвался в комнату – и узрел невероятное зрелище.

Гостья, только что тихая и усталая, преобразилась странно и страшно. Свирепо оскалясь и выкрикивая что-то бессвязное, она лупила подсвечником забившегося в угол мужчину. Кринаш узнал бродячего торговца, который вчера завернул на постоянный двор. Парень даже не помышлял о защите, только закрывался руками от ударов и подвывал от ужаса. Будешь подвывать, если у обезумевшей от гнева женщины такое лицо – вот-вот клыки полезут!

Кринаш, разумеется, не стал этим любоваться. Решительно отобрал у гостьи подсвечник, твердо ухватил ее за локти:

– Все, все уже! Успокоимся, не будем никого убивать! Этот тип посмел дотронуться до госпожи?

– Вор! – гневно выдохнула женщина. – Ворюга!

А, вот оно что!

– Ты для этого влез в комнату госпожи? – строго спросил Кринаш.

Потрясенный парень не мог даже кивнуть. Впрочем, все и так было ясно.

– Пошел со двора, – холодно сказал хозяин. – И чтоб я тебя больше не видел.

Эти слова вывели воришку из шока.

– Ради Безликих! – возопил он. – Под открытым небом, ночью! Это в ваших-то краях! Имей совесть, Кринаш! Душегуб ты!

– Насчет совести молчал бы, воровская морда. Беги, пока совсем не стемнело, в деревню, ткнись в «Жареный петух». Туда всякую сволочь пускают, были б деньги.

Парень шагнул к двери. Но страх уже перебродил в злобу. Он угрюмо оглянулся:

– Воровская морда... Ты, хозяин, глянь на подоконник. Вот из-за этого сокровища баба чуть человека насмерть не уходила!

Женщина метнулась к подоконнику, схватила что-то, спрятала в рукав. Но у Кринаша взгляд цепкий, приметливый. Он успел рассмотреть, из-за чего дама впала в такую ярость.

Крупная речная галька. Посередине просверлена, в дыру продет кожаный ремешок.

Хозяин поморщился, представив, какую историю расскажет в деревне выгнанный торговец о странных делах, что творятся на постоялом дворе Кринаша.

– Эй, ты! – окликнул он парня. – А ну, поди сюда! Если боишься по темноте топтать, так и быть, оставайся. Спать ляжешь в пристройке, где Верзила и Молчун. Скажешь парням, пусть за тобой приглядят, чтоб не спер чего. Понял? Брысь!

Торговец был в ярости, но не посмел даже сплюнуть себе под ноги. Просто повернулся и ушел, злобно топая по деревянной галерейке.

Кринаш со строгим лицом прислонился к дверному косяку:

– Теперь с госпожой беседовать будем. На этом постоялом дворе я хозяин. Отвечаю за гостей. И мне ни к чему неприятности. А потому хочу знать: почему моя госпожа изволила так гневаться из-за камня на кожаном ремешке?

Женщина сверкнула глазами, надменно вскинула подбородок и хотела что-то сказать, но Кринаш опередил ее:

– Только не надо красивых баек о подарке любимого, который тот подобрал на месте последнего свидания! Когда в моем доме появляется такая штуковина, я сразу думаю о магии. И хочу знать, чего от этой магии ожидать!

Женщина шагнула вперед, явно желая произнести что-то гневное. Но подвели нервы, которым сегодня крепко досталось. Гостья судорожно, со всхлипом вздохнула и разревелась. Горько, навзрыд.

Кринаш обреченно потер шрам на лбу: ему в очередной раз выпала роль утешителя и доброго советчика! Что ж, и это иной раз входит в обязанности хозяина постоялого двора.

* * *

– Мы с Хашуэри росли вместе: мой отец командовал стражей в Замке Белых Утесов. Играли, бегали в лесу. Он рвался на подвиги: побеждал чудовищ, завоевывал королевства...

Ульфейя Серебряная Иволга всхлипнула и плотнее закуталась в шаль, которую дала ей Дагерта.

Сама хозяйка возилась в пристройке-кухне, заваривая успокоительные травы. Она не задала ни единого вопроса. Если понадобится ее помощь, муж сам скажет.

Заплаканная гостья сидела рядом с Кринашем на заднем крыльце, куда увел ее хозяин, чтоб на холодном ветерке скорее погасли разгоряченные щеки.

– Когда в Хашуэри проснулся Дар, все в замке были в восторге. Как же! В потомке Первого Медведя пробудилась чародейная сила! – Ульфейя поджала губы, помолчала немного и закончила почти враждебно: – Все радовались. Кроме меня. Я как раз поняла, что жду ребенка. Я и раньше была ему не пара, а уж для Истинного Мага...

В голосе молодой женщины зазвенели опасные нотки. Не сорвалась бы на истерику! Кринаш спросил нарочито сдержанным тоном:

– А какой Дар у высокородного господина?

– Охранный. В детстве озорничал: проведет ладошкой над порогом – и полдня никто не может в комнату войти. Никто не знал, что это его проделки, а я не выдавала. И еще он хорошо чувствует чужую магию.

Ульфейя помолчала. Кринаш не торопил ее, слушая шум ветра в сосновых ветвях по ту сторону высокого частокола.

– Я не сказала ему... так и не сказала! Хотела, чтобы он сам... не ради ребенка, а ради меня! И Хашуэри поговорил с родителями. Тут такое началось – ой!..

Кринаш сочувственно кивнул. Это для простолюдинов вроде него Дети Рода – высокая знать. Но не для Детей Кланов, потомков двенадцати великих магов. Ясно-понятно, что родители Хашуэри не пришли в восторг от признаний сыночка!

– Отец тоже рассердился, грозил увезти меня из замка. Тогда Хашуэри пришел ко мне ночью. Сказал, что родители против нашего брака. Но он знает, как заставить старших с собой считаться. Ему известно, где достать древний талисман – ни у одного мага нет подобного! Когда в его руках окажется такое могущество, все узнают, кто такой Хашуэри Горячая Кровь

из Клана Медведя! Никто не посмеет с ним спорить, даже родители. И он сам выберет жену. Так что я должна перестать реветь и спокойно ждать его возвращения.

Слезы все-таки прорвались наружу. Ульфейя закрыла лицо руками, плечи ее вздрагивали. Кринаш не утешал женщину: она справится со слабостью сама. Для нее важно выговориться.

Взяла себя в руки, продолжила глуховато:

– Он не вернулся. Просто исчез, и никто ничего не знает. Обращались даже к ясновидящей из-за Лунных гор. Но и грайанка ничего толком не сказала. Даже не почувствовала, жив или в Бездну ушел...

Приоткрылась дверь: Дагерта принесла травяной отвар. Муж быстро обернулся, коротко махнул рукой. Дагерта понятиливо исчезла.

Ничего не заметив, Ульфейя продолжала:

– Полгода назад я родила девочку. Перед родами отец увез меня в Фатимир. Дом, деньги, служанки... Но родители на внуку даже не глянули. А она такая славная девочка, глазки ясные, умненькие...

Губы молодой матери задрожали, она заговорила быстрее, словно стараясь, чтобы слова обогнали слезы:

– А недавно приехал отец: нашел мне жениха. Сын его старого друга. Говорит, за мной такое приданое – на трех невест хватит. А я знаю, у отца больших денег не было.

– Клан Медведя, – кивнул Кринаш.

– Я почти согласилась, но оказалось, что жениху не нужна моя девочка. Отец сказал: не дадим ей пропасть... но она же останется без имени! Отребье... Это же ужас какой – всю жизнь прожить Отребьем! Ты только представь себе...

– Я-то как раз представляю, – негромко и ровно отозвался Кринаш. – Я это тридцать девять лет очень хорошо представлял. Сам не так давно именем обзавелся.

Глаза Ульфейи расширились. До нее только сейчас дошло, как представился им хозяин, отогнав троллей.

Кринаш из Семейства Кринаш. Первый в своем Семействе. Основатель.

Женщина с новым интересом обернулась к собеседнику:

– Но как же ты... как удалось?..

– Твоей девочке так не удастся... Шесть лет назад я на поле боя спас жизнь королю Нуртору. За это он позволил мне основать Семейство. Но ты же понимаешь: на всех бедолаг из Отребья не наберешься погибающих королей!

– Ничего не скажешь, повезло тебе, – вздохнула Ульфейя.

– Да уж... – смущенно отозвался Кринаш. – Ясно-понятно. Это ведь только богам дозволено быть Безымянными.

Оба замолчали. Задумались о мире, который хуже чем жесток – равнодушен к тем, у кого нет имени. Просто не признает их существования.

Наконец Ульфейя мрачно продолжила:

– Я никому, даже отцу, не сказала, что на мне вина похуже, чем... чем... Словом, это по моей вине пропал Хашуэри.

– По твоей вине, госпожа? Почему?

– Вот! – На ладони ее лежал уже знакомый Кринашу камень на кожаном ремешке. – Я с ним теперь не расстаюсь. А на подоконнике оставила, чтоб высох ремешок, он же в воду угодил... Эта вещь когда-то принадлежала Первому Медведю.

У Кринаша перехватило дыхание. Он – в прошлом отчаянный наемник, а теперь властный и бесстрашный хозяин постоянного двора – содрогнулся, глядя на серый камешек.

Двенадцать магов. Основатели Кланов. Избранники богов. Их сила живет в крови потомков, иногда проявляя себя и даря миру новых Истинных Чародеев.

– Камень называется Серый Оберег, – объяснила Ульфейя. – Он передается от отца к сыну. Когда попадает к Истинному Чародею – увеличивает его силу.

– Тогда почему?..

Кринаш запнулся. Догадался, в чем вина этой девочки.

– Когда Хашуэри прощался со мной, я почти сломила себя, готова была сказать ему... Но он был таким гордым! Таким самовлюбленным! Так жил предвкушением подвига! Когда он уходил, я... – Дочь Рода запнулась, подбирая слова. – Я взяла камень. Думала: он заметит пропажу, мы вместе будем искать Оберег. С него слетит клановая спесь, и тогда...

Женщина замолчала, зябко повела плечиками под шалью и прихлопнула на руке злого осеннего комара.

– Пусть госпожа подождет, – бормотнул Кринаш. Встал, приоткрыл дверь в трапезную: что-то тихо там стало. – Дагерта, все уже разошлись?

– Намаялись, рано спать легли, – отозвалась жена.

– Неужто все наверху разместились? Много ж народу было!

– Фержен посулил матросам хорошую плату, чтоб до утра с ним «Шуструю красотку» охраняли. Костры разведут, будут спать по очереди. А остальные в комнатах улеглись.

Кринаш удивленно покрутил головой – вроде бы недолго он с постоялицей болтает, а гляди ж ты! – и обернулся к Ульфейе:

– Не угодно ли госпоже перебраться к огню? А то комары, и холодно уже...

У очага гостя немного расслабилась и рассказала о муках совести, изводивших ее после исчезновения любимого. И о том, как однажды, наплакавшись в постели, заснула с Оберегом в руке.

– Во сне я видела мир глазами Хашуэри. Он был совершенно неподвижен, но спокоен, словно привык к этому. Вряд ли связан или закован в кандалы – пожалуй, парализован, причем давно, успел с этим смириться. Должно быть, сидел у окна. Не заметила ни подоконника, ни ставней, но помню сад за окном. Именно сад, не лес: вперемежку с обычными деревьями росли странные, заморские, я такие видела на картинках в книге.

Женщина бросила взгляд на хозяина: не ухмыляется ли? Нет, серьезен.

– Наутро надела Оберег на шею и впервые почувствовала, что он пытается говорить со мной. Не словами, молча зовет куда-то, манит. Иду в одну сторону – радуется, я это чувствую. Пойду обратно – огорчается так, что мне самой реветь хочется. И я не выдержала. Надела дорожную одежду, взяла деньги, бросила малышку на служанок. Отцу написала, что если о девочке не будут заботиться, пока не вернусь, то я всю семью с последнего костра прокляну! И отправилась в путь – куда повел камешек. Сюда.

Кринаш протянул широкие ладони к огню.

– Моя госпожа слышала про «сход деревьев»? – негромко спросил он.

Ульфейя удивленно сдвинула тонкие бровки, припоминая.

– Но это же... детская сказка!

И посерьезнела, глянула неласково: мол, на какую ерунду мы перевели разговор!

Кринаш не смутился, продолжил серьезно:

– Рассказывают, что однажды всем деревьям на свете приснилось, что сошлись они и толкуют о делах своих извечных. От этого сна появилось на земле место, где встречаются деревья – и те, что в наших лесах растут, и всякие заморские. Захотят – и отправятся на свой сход. Людям кажется, что яблоня в саду шумит ветвями, а на самом деле она рядом с пальмами да соснами думает свою неспешную древесную думу. А уж о чем они промеж собой договариваются – о том нам, людям, лучше не гадать...

– Бред какой-то.

– А еще говорят, – упрямо продолжил хозяин, – что растет в чародейном лесу вечное дерево. Ему столько лет, сколько нашему миру. Большое, могучее, корни землю насквозь про-

низали. А под корой, в древесине спрятан талисман, который древнее нашего мира. Такой огромной силы, что сравнить не с чем. И названия у него нет: когда он возник, некому было дать ему имя. Смелчак, который железом вырубил талисман из ствола вечного дерева, получит власть над землей и всем, что растет из нее.

Темные омуты глаз распахнулись на побелевшем лице женщины:

– Хашуэри?..

– Очень может быть. Ведь это в наших краях – ну, место где встречаются деревья.

– Хашуэри! Да, он о таком и мечтал. И мог бы почувствовать талисман сквозь кору...

Ох, дурачок, дурачок мой! Ну, Серая Старуха ему нашептала!.. – Женщина закачала головой, словно от зубной боли. Но тут же опомнилась, с достоинством выпрямилась и спросила: – А с чего ты взял, что эти чудеса где-то здесь?

– Уж знаю! – вздохнул хозяин. – Как раз с постоянным двором история вышла...

Он плеснул себе вина, отпил глоток и степенно начал рассказывать:

– Тогда я только-только со службой распрощался. Деньги были, и хорошие. Махну, думаю, в столицу, поосмотрюсь... А только не добрался я до Джангаша. Плыл на «Шустрой красоте» – да-да, на этой самой, что лежит с пробоиной на мелководе. Причалили мы к этой пристани. Постоялый двор уже тогда здесь был, только содержался не в таком порядке.

Кринаш с законной гордостью крепкого хозяина обвел взглядом трапезную, сделал еще глоток из кружки и продолжил:

– Хозяином был невзрачный человечиска. Имя кое-какое имелось, да никто имени не помнит, а звали все этого недотепу Сорокой – ясно-понятно, не за молчаливость. Тарахтел, как колесо на каменистой дороге. А тут подвернулся бродячий певец, спел про хоровод деревьев. Хозяин и пошел бренчать, что знает, как в это самое место пробраться. Есть, мол, в лесу овраг, а в его песчаной стене – лаз, корнями да ветками заплетенный... Он, дескать, там побывал и вечное дерево видел. Ну, только что сам там корнями не пророс, уж до того бывалый человек! Его на смех подняли. Он горячится, по столу кулаком стучит – разошелся, как новобранец в кабаке. Я, мол, готов об заклад биться: пойду туда и ветку принесу с пальмы или еще какого дерева почуднее! Нашлись насмешники, ударили с ним по рукам. И ушел Сорока в лес, благо до ночи далеко было.

– И принес ветку?

– Он-то принес, да нам уже не до того было. Нам лишь бы ноги унести с постоялого двора, такое вокруг началось! Из стен полезли побеги, сразу набухли и полопались почки, зеленью брызнуло. Да что там бревна стен – даже столы ветвями покрылись! Чтоб мне прогореть, если вру! Мы и пожитки побросали, едва успели попрыгать в двери да окна, как дом в чашу превратился. А во дворе-то!.. Изгородь успела такими сучьями обрасти, что мы по ним наружу карабкались – ворота наглухо ветки заплели! А обернешься – еще веселее на душе: земля прямо кипит, так из нее молодые всходы рвутся! Спрыгнули мы с изгороди. Смотрим – стоит Сорока перед бывшими воротами. Глядит на буйное свое хозяйство и говорит этак задумчиво: «А я ветку принес...» Ясно-понятно, человек переволновался, но и я не железный! Плюнул наземь и отвечаю: «А тебе, распротак перетак, веток здесь мало?!»

Ульфейя хохотнула нервным смешком, но глаза остались серьезно-напряженными.

– Этот Сорока оказался упорным парнем, – продолжил Кринаш мрачно. – Раздобыл в деревне топор и до темноты прорубался в ворота. Он ветви рубит, дровосек хренов, а они сызнова вырастают. Наконец кто-то надоумил его влезть по сучьям на забор и глянуть, что внутри делается. Влез. Глянул. Махнул рукой и отступился. Ночь мы все провели у костров. Тогда я и решил рискнуть: предложил хозяину купить у него постоялый двор – как он есть, во всей красе. Торговались до утра, к рассвету ударили по рукам. Честно скажу: цену я дал позорную. Так платить разве что погорельцу за пепелище! Впрочем, то, что я купил, было не лучше пепелища. Составили договор, капитан «Шустрой красоты» свидетелем подписался.

Все надо мной смеялись: мол, буду среди леса дровами торговать! А я под их смешки расспросил Сороку, как пройти в тот волшебный овраг.

Ульфейя глядела перед собой неподвижным взглядом кошки, следящей за воробьем. И не упускала ни единого слова из рассказа хозяина.

– Топор я не взял. Да что топор – все железо с себя снял, даже пряжки с сапог!

– И ты был... там?

– Был... Дурак этот Сорока! С такой силой шутки шутить вздумал! Я там не то что ветки ломать – по сторонам пялиться не смел, а ведь я не трус! Правду говорят: дурням страх неведом... это я про Сороку, ясно-понятно.

– И что... правду люди про это место говорят?

– Вроде того. Деревья... кружатся, как живые... Не это главное! Стоял я там один на один с могуществом, против которого не потрепыхаешься! Я не требовал – просил! Клялся, что никогда не подниму топор на живое дерево, на дрова у меня будет идти сухостой. Обещал, что мужиков из соседней деревни тряну как следует, чтоб с лесом бережнее были.

– Ты сдержал слово?

– Сам не валяю живые деревья. А если соседи в счет долга подбрасывают дровишек, не придираюсь, где и как нарублены. Я за чужой грех не ответчик... Так вот, когда я вернулся, побеги успели завянуть, высохнуть и рассыпаться трухой. А стены и ограда стояли как ни в чем не бывало. Всего-то работы было, что выгребать да жечь древесный мусор. Прежний хозяин после этого вроде рехнулся, на метле по двору скакал. И то сказать, такое подворье уступил почитай что задаром! Но потом Сорока опомнился и убрался из здешних краев...

Кринаш остро, испытующе глянул в бледное лицо гостьи.

– Заболтались мы, пора спать... Я к чему речь веду: надо госпоже отступить от этой затеи. Место такое, что и без оружия не сунешься, а с оружием тем более. Тамошние хозяева издали чуют железо. И жениха госпожа не выручит, и сама погибнет, Хозяйке Зла на радость... Эй, Дагерта! Проводи гостью в комнату. Да и я пойду спать, пожалуй. Денек хлопотный выдался.

Деревянные ступени заскрипели под хозяйскими шагами.

Ульфейя не пошевелилась, словно не заметила ухода Кринаша. Ее глаза не отрывались от багровых углей очага.

С железом нельзя идти на поиски любимого. А с огнем?

Кринаш проснулся, словно от толчка. Тихо. Темно. Только полоска лунного света скользит между ставнями. В углу, в дубовой люльке тихо спит маленькая Дагвенчи. Еще недавно это место занимал Нурнаш, но теперь он торжественно выселен из родительской спальни: большой уже! Как тогда гордился сынишка и как переживала Дагерта: а вдруг ее кровиночке дурной сон приснится? Кто успокоит и утешит, если мамы рядом нет?

Сыну четвертый год. Дочурке скоро годик. Есть о ком думать заботливому отцу. Так почему в голове неотвязно кружится мысль о чужом ребенке? О девочке, которую Кринаш никогда в жизни не видел и не увидит?

О девочке, которой суждено вырасти Отребьем.

А что может сделать Кринаш? Ах, жалко девочку? Всех не пережалеешь! Его-то самого много жалели?

Дыхание лежащей рядом Дагерты чуть изменилось. Не спит. Муж проснулся, и она проснулась. Почувствовала.

Хорошая у него жена. Повезло.

– Ты госпожу сама в спальню проводила или Недотепку послала? – спросил Кринаш.

– Сама, – ответила Дагерта, словно продолжая начатый с вечера разговор. – И приглядела, чтоб улеглась. Даже горшок углей насыпала, постель согреть, а то она жаловалась, что ноги зябнут.

Кринаш рывком сел на постели.

– Угли, да? Ну-ка, жена, сходи глянь, все ли там в порядке! – Чуть помолчав, добавил:
– Как бы госпожа нам пожару не учинила!

Требование было странным, но Дагерта и бровью не повела. Молча встала, набросила поверх рубахи длинный платок с кистями и вышла за порог. А Кринаш, словно зная, с какой вестью вернется жена, принялся одеваться.

Он уже натягивал сапоги, когда в дверях появилась взволнованная Дагерта:

– Ее нет...

– А горшок с углями? – глухо спросил Кринаш, сдергивая с подколенных ремней железные пряжки.

– Нету...

Кринаш завязал ремни узлом и, не сказав жене ни слова, вышел из комнаты.

* * *

Безобразие! Калитка распахнута настежь! А Молчун, зараза, дрыхнет под навесом у поленницы!

Хозяин пинком разбудил нерадивого сторожа. Молчун вскочил, ошалело заозирался – и рухнул на колени, поняв, как серьезно провинился.

Раньше двор оставался без охраны: засовы на воротах и калитке снаружи не откроешь, а изнутри ночью в лес выйти – такие дурни на постоянный двор не забредают!

Но с прошлой зимы Кринаш все чаще приказывал рабам нести караул во дворе. У него, мол, на душе неспокойно, так пусть полночи один по двору побродит, полночи – другой. И хотя Молчуна и Верзилу не радовала необходимость после полного трудов дня зевать и глазеть на звезды, ни один из них не считал хозяйский приказ блажью. И не потому, что Кринаш, как правило, на следующий день позволял им немного вздремнуть. Нет, рабы поняли: у их господина звериное чутье на опасность.

Чего стоил хотя бы случай, когда прибывший с мирными путниками сообщник разбойников ночью пытался отворить ворота своим друзьям из шайки Хвата. Или повторная – через две ночи – попытка разбойников проникнуть на постоянный двор, забросив на частокол привязанные к веревкам крючья.

Ну, разбойники-то ладно, они получили по ушам и окончательно усвоили: Кринаша злить – что медведя в берлоге ногами пинать. А вот неведомая Подгорная Тварь, летучая такая, вроде пузыря со щупальцами, что спустилась с ночного неба на двор – ох, и вспоминать не хочется! Еле прогнали ее факелами.

И вот теперь – калитка открыта. Забегай или заползай любая хищная дрянь!

Не поднимая глаз, провинившийся раб ожидал вспышки хозяйского гнева.

Но Кринашу было не до него. Он окинул взглядом двор. Подошел к ивовому плетню вокруг огорода. Одним движением вырвал из земли угловой кол, не обращая внимания на то, что рухнула им же сплетенная ограда. Взвесил кол на руке – тяжелый, острый!

– Хоть меч возьми! – простонала с крыльца Дагерта. Платок упал с ее плеч, и высокая костлявая фигура в длинной белой рубахе походила в темноте на привидение.

– Нельзя, – отозвался Кринаш, – они железо чувят... Ступай в дом, а то холодно.

Дагерта не двинулась с места.

– Иди в дом! – строже сказал муж. – Грудь застудишь, а тебе маленькую кормить.

Женщина поспешно подобрала шаль, набросила на плечи, но с крыльца не ушла. Так и не отвела взгляда от мужа, который направился к калитке. Проходя мимо Молчуна, все еще стоящего на коленях, хозяин задержался, обернулся к дому:

– Собаку надо завести, вот что! Давно бы нам, жена, догадаться! А то и двух, позлее да погорластее. Вернусь – решим... А ты, лежебока, закрой за мной калитку на засов.

* * *

Было темно, однако древесные кроны над головой Ульфейи не казались сплошным черным пологом. Они походили на грузные, набухшие тучи. Какая гроза обрушится из них, какие молнии ударят?

Женщина вспомнила, как однажды гроза застала их с Хашуэри вдали от замка. Она испугалась тогда, закричала. Казалось, молнии прицельно бьют именно в нее. Хашуэри засмеялся и сказал: «Ах ты, птичье сердечко!» Прижал ее к груди, закутал в плащ с головой – и сразу страх прошел. Пусть плащ был плохой защитой от тугих струй ливня, пусть гром грохотал над самой головой – Ульфейя была в самом безопасном месте на свете!

Сейчас Оберег уверенно вел ее к Хашуэри. Любимый ждет где-то за черным лесом. Он засмеется, скажет: «Ах ты, птичье сердечко!» И все будет хорошо, и беда отступит...

Горшок с углями, закутанный в плащ, не жег руки, а грел, словно она несла ребенка. Маленькую девочку, которой так нужен отец...

Ульфейя двигалась не задумываясь: ныряла под нависшие ветви, перелезала через упавшие стволы, раздвигала тяжелую сырую листву. Серый камень гнал ее сквозь чащобу, властно указывал путь в сплетении стволов, коряг, зарослей папоротника, густых кустов. Оберег пульсировал на груди в одном ритме с сердцем, и барышня, которая ни разу в жизни не была ночью в лесу, шла со сноровкой разбойника или лесовика. Даже горшок с углями не заставлял ее идти медленнее.

Внезапно женщина остановилась... прислушалась... прижалась к стволу кряжистого граба, едва не рассыпав угли.

Кто-то преследовал ее по ветвям – нагло, шумно, не заботясь о том, чтобы остаться незамеченным.

До сих пор звуки ночного леса – уханье совы, предсмертный крик зазевавшегося зайца, шум ветра в ветвях – скользили мимо ушей женщины, подчинившейся чарам Оберега. Но теперь она тревожно вслушивалась в мягкие, тяжелые прыжки, в хруст сучьев. Рысь не станет так шуметь. Наверное, это одна из Подгорных Тварей, которыми ее всю дорогу пугал капитан «Шустрой красоты». Или какая-то магическая нежить.

Серый Оберег, каменюка глупая, мучительно пульсировал, нестерпимо звал вперед, словно шептал: «Уже рядом! Не стой же!» Может, рискнуть, броситься наутек? Кринаш говорил: лаз в стене оврага... Юркнуть туда, забиться, спастись...

На волосы посыпались кусочки коры. Что-то большое возилось в ветвях.

Мир вокруг стал для Ульфейи совершенно беззвучным. Ничто не мешало ей слышать, как шуршит по коре сухая чешуя.

Из ветвей вытянулось что-то темное, похожее на толстую змею, и закачалось возле лица Ульфейи. Словно замороженная птица, глядела женщина, как растягивается ей навстречу пасть, окаймленная зубами, будто расцветает диковинный, страшный цветок.

Вверх с хрустом надломилась ветка под тяжестью твари.

Безглазая змея дернулась, это вывело женщину из оцепенения. Пронзительно завизжав, Ульфейя швырнула горшок с углями в хищную пасть и бросилась бежать.

Позади бушевали свирепые звуки – смесь шипения с хрипом. Лес примолк, внимая чужой, иномирной ярости. Ульфейе казалось, что гадина давится углями прямо над ее плечом. Ничего не видя перед собой, беглянка налетела на песчаную стену, в панике зашарила по ней и, разбросав в стороны корни и ветви, юркнула туда, куда звал ее Оберег.

По глазам ударил солнечный свет, вокруг плеснулась яркая, пышная зелень.

Женщина не успела удивиться тому, что ночь внезапно сменилась днем. Не успела порадоваться спасению от неведомого хищника. Не успела осознать, что достигла цели своего отчаянного странствия.

Потому что по плечам скользнули тугие зеленые веревки лиан. Прижали руки к телу, сковав движения. Оплели, опутали лодыжки.

И тут же на груди пленницы перестал пульсировать Оберег. Серый камень привел господа к господину.

* * *

Нужна собака! Ясно-понятно, еще как нужна! Давно пора завести!

Кто бы мог подумать: женщина проходит галерею, спускается по скрипучей лестнице, выходит во двор, отворяет калитку – засов, между прочим, тяжелый! В трапезной никого, хотя обычно на скамьях спит больше народу, чем в комнатах. И Молчун задрях во дворе. Ну, все как нарочно Хозяйка Зла подстроила!

А не она ли подстроила легкий хруст в кустах слева? Не ветер это, ох, не ветер! И не вспугнутая птица! Медведь? Росомаха? Или, храни Безымянные, какой-нибудь поганый гость из Подгорного Мира?

Страх не было, только злость. На себя, дурака. Дома среди ночи не сиделось, с женой и детишками! Понесло в лес выручать чужую паршивку!

Ладно, отругать себя можно и потом. Сейчас важнее темный силуэт, что на мгновение мелькнул меж стволов. И то, что треск – легкий, еле слышный – доносится теперь сзади. Кто ж это обошел его, зажал в клещи?

Фигура вроде человечья, но это, ясно-понятно, не разбойники. С чего бы разбойникам рыскать в темном лесу? Какая им тут добыча? Такие идиоты, как Кринаш, не каждую ночь попадаются!

Но эти морды, кем бы они ни были, нарвались на матерого наемника! Он знает, что паника и попытка удрать с поля боя опаснее, чем честная драка грудь на грудь. Да и далеко он ушел от дома, к оврагу пробиваться ближе.

Кринаш обмотал левую руку плащом (так можно отбить нож) и двинулся дальше, держа наготове дубовый кол.

Отличное, кстати, оружие! Сработало не хуже меча, когда из мрака на Кринаша молча обрушилось что-то тяжелое и свирепое. Сволочь луна именно в этот момент спряталась в тучу, поэтому Кринаш не разглядел толком, кого встретил колом. Угодил удачно: враг издал короткий вскрик, грузная туша осела у ног человека, обдав его запахом гнилой тины.

Кринаш перепрыгнул через недвижимого противника, соображая, в какой стороне овраг. Тут слева навалился второй мерзавец, сбил с ног, клыки лязгнули у шеи. Кринаш, защищаясь, вскинул левую руку, и второй удар клыков пришелся по плащу. Зубы врага завязли в сукне, он дернулся – сильный, зараза! За это мгновение Кринаш успел удобнее перехватить кол, со всей силы оттолкнулся ногами и, вывернувшись из-под противника, хрястнул его наугад. И тут же длинные лапы, вскинувшись человеку на плечи, мощно стиснули, притянули ближе к врагу.

Луна бросила луч, высветила чудовищную морду с круглыми, темными, без белков глазами. Пасть твари была забита плащом Кринаша, враг яростно жевал сукно. Верхняя челюсть была неподвижна, а нижняя ходила вправо-влево, как пила.

В памяти отчаянно взметнулось слышанное когда-то... Это же Подгорный Людоед! Верная смерть! Он сильнее человека, и меч не берет его шкуру, и...

И у него на шее должны быть жабры!

Не размышляя, Кринаш повернул кол в руке и воткнул его сбоку в шею врага.

Людоед издал то ли вздох, то ли стон. Обмяк. Челюсти перестали терзать плащ.

Кринаш дернулся из объятий чудовища – и снова рухнул на скользкое мертвое тело. Спину обожгла боль. Когти! Эта падаль вцепилась ему в спину, но выручила куртка из толстой бычьей кожи, старая боевая подруга.

Кое-как он выполз из куртки, которую Людоед держал воистину мертвой хваткой. Спина, спасибо Безликим, вроде бы только оцарапана.

Луна уже светила вовсю – вернулась, трусиха, когда драка закончилась.

Победитель, словно замороженный, глядел на неподвижную голую тварь с белесо-серой шкурой – длиннорукую, узкоплечую, с крохотной узкой головенкой. А какой огромной казалась эта башка, когда Кринаш в нее почитай что носом ткнулся!..

Вот это да! Ай да Кринаш! Подгорного Людоеда один на один завалить – великий подвиг, а уж двоих... Везенье! Чистое везенье! Кому рассказать – ни за что не поверят. А стало быть, не надо и рассказывать. Поверила бы разве что Дагерта, но жене про всякие страхи знать как раз незачем.

В темноте что-то завозилось, ломая кусты. Очнулся второй Людоед! Ну-ка, ходу отсюда! Бывалый наемник всегда сообразит, когда пора смываться!

Так, в какой стороне овраг?

А ни в какой! Вот он, дорогой! Вот старый вяз, накренившийся над песчаным склоном. Вот пятно переплетенных ветвей и корней, укрывающих лаз...

Хлынувший навстречу солнечный свет и неистовая зелень не удивили Кринаша. Глаза сразу отыскивали в пляшущем лиственном мареве женскую фигурку, скрученную лианами.

Закутавшись в платок и подобрав босые ноги под подол длинной рубахи, Дагерта сидела на крыльце. Молилась? Шла вслед за мужем сквозь черную чашу? Взор ее был недвижим и бесслезен.

Молчун маялся, не зная, чем помочь хозяйке. Он не мог даже сказать ей утешающего слова... проклятая немота!

А утешить хотелось. Он ведь помнил, как заботливо выхаживала эта суровая с виду женщина его и Верзилу, когда Кринаш по дешевке купил их у надсмотрщиков в каменоломне. Он тогда подыхал от воспаления легких, а Верзила, строптивая душа, был забит до того, что превратился в кусок мяса. Даже надсмотрщики, уж на что сволочной народ, честно предупредили Кринаша: выбрасываешь, мол, свои деньги! А тот рискнул и после уймы трудов получил двух рабов: один немой, другой с отшибленной памятью...

А теперь он, Молчун, проспал беду! Из-за него Кринаш может погибнуть!

Измученный угрызениями совести, бедняга пошел в дом – проверить, все ли в порядке. И от самой лестницы услышал сверху писк.

Это говорить он не может, а слух отличный! Кто другой бы решил – котенок замаякал... Какой там котенок! Дагвенчи проснулась, пробует голосишко. Попищит немного, а потом как заорет на весь дом! Есть захотела.

Вовремя, маленькая! Очень вовремя! Ты сейчас нужна своей матери!

Молчун бегом поднялся наверх, вынул малышку из колыбели, вынес на крыльцо и положил на руки Дагерте. А сам с устрашающе бдительным видом зашагал вдоль ограды – не лезут ли какие злодеи?

На сумрачном лице женщины мелькнула тень улыбки. Развязав ворот рубахи, Дагерта принялась кормить дочурку.

* * *

Какое оружие, зачем? Что из жалких человеческих выдумок могло бы повредить этому древнему, загадочному, могучему миру?

Кринаш труса не праздновал, но и дураком не был. Понимал, когда надо требовать, а когда не стыдно и просить. И не стучал лбом в крепостные ворота, раз нет под рукой тарана.

– Я не враг, – негромко, словно пробуя голос, сказал он в танцующее кружево ветвей и листьев. – Я уже был здесь однажды.

При звуках голоса все вокруг изменилось – словно взвихрилось зеленое пламя. Стена деревьев поднялась, закрыв солнце, и надвинулась на Кринаша. Навалились запахи – жаркие, влажные, душные, сильнее всего пахло тлением, гниением. Сомкнулись стволы, переплелись жадные ветви, смешалась жирная плотная листва. Лианы хищно потянулись к непрошеному гостю, оплели сапоги, поползли выше – к груди.

Кринаш даже не двинулся, чтобы защититься.

– Я не враг, – повторил он громче. – Я дал вам слово – и держу его!

Это было не совсем правдой, но сейчас Кринаш искренне верил, что во всех деталях соблюдал уговор, заключенный шесть лет назад на этом самом месте.

Стена неведомого южного леса подернулась маревом и исчезла. Вместе с ней исчезла и оплетенная лианами полубесчувственная Ульфейя. Пронзительный ветер хлестнул по плечам, прикрытым окровавленными лохмотьями рубахи. Кринаш поежился, узнав места, куда его заносило в юности и куда он совсем не желал возвращаться.

Граница Силурана и Уртхавена. Чахлый лесок – из тех, что сопротивляются буранам и метелям, гуляющим по уртхавенской тундре. Сейчас он не был замечен снегом. Уродливые, кривые деревца даже покрывала желтоватая листва. Но какими жалкими, старообразными выглядели эти деревья с высохшими верхушками!

Протянув к человеку изломанные сучья, поросшие бородатым лишайником, лес словно говорил с ненавистью: «Уходи! Спасайся! Тебя не убили – радуйся и этому, как радуемся мы каждому дню, вырванному у ветра и стужи!»

Кринаш не сразу смог заговорить.

– Не могу я уйти! Отпустите и девушку тоже, она-то вам ничего не сделала!

Словно морозный узор – только не белый, а бурозеленый – затянул все перед глазами... и вот Кринаш в ухоженном, красивом парке с ровно подстриженными купами кустов. А на фоне изящной решетки – стройное деревце с большими белыми цветами. Молочные чаши лепестков источают аромат, крепкий, кружащий голову. Вместе с этим ароматом Кринаш уловил надменную брезгливость – словно знатная дама глядит на нищего, который нагло забрел на посыпанную желтым чистым песком аллею.

– Отпустите ее! – не дал себя смутить Кринаш. – Она всего-навсего разыскивает любимого!

Дрогнули жесткие блестящие листья – словно красавица повела плечиками. И тут же изысканный парк исчез.

Кринаш стоял посреди странного... леса? Никакого подлеска – только выгоревшая на солнце трава. И что-то вроде рощицы редко стоящих высоких деревьев. С белесых стволов лентами отслаивалась кора. Листья не шуршали на ветру – не было ветра, было лишь палящее солнце и полный неподвижного жара воздух.

Да эти кроны не отбрасывают тени, в смятении сообразил Кринаш. Что это – деревья или призраки деревьев? Где ж такое растет?

И вдруг отчетливо, словно получив ответ на свой вопрос, он понял: эта роща никогда не видела человека. Он – первый. И он не понравился роще. Стволы источали неприязнь, сухую и горячую, как все вокруг.

– Эта девочка... – заставил себя продолжить Кринаш. – Отпустите ее... вместе с ее другом. Он не хотел плохого, просто еще очень молод и...

Горячее марево сгустилось меж белесых стволов, потемнело, стало весомым, реальным. Человек очутился перед гигантским деревом. Бесформенное, оплывшее, оно походило на

башню. Могучие ветви не были украшены ни единым листом, но дерево не было мертвым. Кринашу был слышен гул бегущего под корой сока – или это шумела кровь в его ушах?

Так вот оно, вечное дерево...

До чего же глупый мальчишка этот Хашуэри! Посягнуть на это спокойное величие, на эту древнюю власть!..

– Те двое... – превозмог себя Кринаш, удивляясь тому, как дико и хрипло звучит голос. – Они не хотели дурного. Ну, пойми... они – как молодые побеги. Поросль рвется к свету и не соображает, где ее угораздило прорасти. Они...

Кринаш замолчал. Есть предел человеческой стойкости.

Перед кем он осмелился вякать о молодой поросли?

Человек успел толчками вдохнуть и выдохнуть воздух – и тут пришел ответ.

Пришел?... Обрушился! Накатил! Налетел беззвучным вихрем!

Все горе и вся боль деревьев ударили в беззащитное человеческое сердце.

Мертвое молчание пней на вырубке. Смертный ужас, дымной тучей сгустившийся над лесным пожаром. Тупое отчаяние бревна, гниющего на берегу по вине нерадивого плотогона. Все страдание тех, кто не мог защититься от железа и огня.

Кринаш пошатнулся. К лицу тянулись обрубленные, опаленные, искалеченные сучья...

Вдруг эти мучительные образы поплыли в стороны. Их раздвинул ветвями молоденький тополек. Стройный, гибкий, туго перевязанный детским пояском с красными кисточками.

И тут же отступила тревога. Душа расправилась и зашелестела, как тополиная листва на легком ветерке.

«И все?! – потрясенно думал Кринаш, глядя, как уходит в густой клубящийся туман замшелый ствол вечного дерева. – Такой пустяк – и человек снова прощен за все, что натворил? Да сколько же в них терпения и милосердия...»

Он без удивления обнаружил себя в бесконечном, тянущемся вдаль саду. Стройными рядами застыли деревья. Словно ждут чего-то.

Рядом с Кринашем на мягкой траве сидела освобожденная от пут Ульфейя. Прикусив губку, она серьезно глядела по сторонам.

– Они превратили Хашуэри в дерево, – без тени сомнения сказал Кринаш.

– И мы должны его найти, – кивнула женщина.

Оно и просто... А как прикажете искать превращенного человека среди этих зарослей?

– Госпоже поможет Серый Оберег? – с надеждой спросил Кринаш.

– Нет. Здесь он мертв. Но я все равно разыщу Хашуэри.

Женщина поднялась на ноги, спокойно и уверенно двинулась от ствола к стволу. Иногда она поднимала руку и легко касалась ветвей.

Кринаш недоуменно пожал плечами и с кривой усмешкой огляделся.

Вот стоят рядышком две яблони, старая и молодая, словно мать и дочь. Молодая вся в бело-розовых цветах, ветви старой прогибаются от огромных яблок. Цветы и плоды рядом, надо же! Впрочем, ведь это сон, который видят яблони... Ладно, а где возлюбленный Ульфейи? Может, этот красавец клен? Или незнакомое дерево с рыхлой кроной из кривых ветвей, мохнатых от хвои? Или разлапистая, низкая, словно вставшая на колени ель?

Женский вскрик заставил Кринаша обернуться.

Ульфейя, задохнувшись от волнения, указывала рукой в гущу листвы. В два прыжка Кринаш оказался рядом с ней и сразу понял, что потрясло его юную союзницу. Невысокое стройное деревце ничем, казалось бы, не отличалось от своих «соседей», но...

Странная ветвь отходила от одного из сучьев! Светлая, совсем лишенная коры, гладкая, словно отполированная ладонями, она тем не менее покрыта была тонкими зелеными побегами. А увенчивал ее нелепый «плод» – проржавевший кусок железа, в котором с трудом можно было угадать очертания большого топора.

Секира! Длинная секира, приросшая к дереву и пустившая побеги!

Ульфейя, внезапно оробев, обернулась к своему спутнику. Но Кринаш молчал.

Всхлипнув, женщина сорвала с шеи оберег и повесила на ветку дерева.

От корней поползли вверх полосы тумана, окутали ствол и ветви.

Когда марево рассеялось, возле ствола недвижно стоял юноша с тонкими чертами лица и кротким, мудрым взглядом старца. Он держал секиру, рукоять которой была покрыта мелкими тонкими веточками.

Ульфейя не бросилась к возлюбленному. Наоборот, сделала движение, словно хотела спрятаться за широкое плечо своего спутника, – таким изменившимся предстал перед ней Хашуэри.

Юноша тоже не ринулся обнимать любимую. Он поднял руку, взглянул на ладонь, словно видел ее впервые. Сорвал с зазеленевшего топорщища ржавый кусок железа и отшвырнул прочь – так узник отбрасывает опостылевшие кандалы, в кровь натершие запястья.

Тут же мгновенное отвращение исчезло с лица Хашуэри, и со спокойной, ясной улыбкой он обернулся к Ульфейе.

* * *

– Мне ко многому придется привыкать заново. – Хашуэри задумчиво покачивал в руке наполовину опустевший кубок. – До сих пор не могу забыть ощущение, когда сквозь тебя струится древесный сок. Не как кровь в жилах, а... нет, не могу объяснить.

Они сидели за столом, врытым в землю у крыльца. Почему-то не хотелось идти в дом. Ясная холодная ночь светлела, становилась легкой и прозрачной. Облака разошлись, и невесомая луна парила в небесах, словно сорвавшийся с неведомой ветви серебристый лист.

Мужчины пили вино вдвоем. Ульфейя, которая стойко держалась весь путь до постоянного двора (кстати, путь легкий и быстрый), при виде ограды – вот она, безопасность! – навзрыд расплакалась. Дагерта чуть ли не силой влила ей в рот успокоительный отвар и увела в комнату, где измученная женщина сразу уснула.

Хозяйка сновала между столом и кухней, выставляя перед возвратившимся супругом и спасенным Сыном Клана все, что можно быстро состряпать в такую рань. Она не улыбалась. Хотя муж и набросил на плечи новый плащ, Дагерта не могла забыть его изодранную спину. Кринаш сказал: «Ерунда, царапины!» Но жену он не убедил. Ей больше всего хотелось, чтобы пирушка поскорее закончилась и можно было промыть эти самые «ерунда, царапины» целебным настоем.

– Я очень благодарен тебе и Ульфейе, – негромко говорил тем временем Сын Клана. – Даже не знаю, как выразить мою...

– Да просто, – подсказал Кринаш, во хмелю растерявший почтительность. – Буду премного доволен, если мне заплатят за плащ и куртку. Хорошая была, из буйволового кожи.

– Куртка? – не сразу понял Хашуэри. – Да, конечно, конечно! Боюсь, я отвык думать о житейских мелочах, пока здесь произрастал. Зато многому и научился у деревьев: терпению, уменью жить неспешно и спокойно. А магия... думаю, моя сила возросла. И волшебным посохом я обзавелся. – Он с улыбкой погладил прислоненную к столу рукоять секиры в мелких веточках.

– А листья не завяли! – с опаской покосился на колдовскую штуковину Кринаш.

– И не завянут, я уверен. Может, к зиме пожелтеют и упадут, но по весне веточки зазеленеют снова. Это чары, которые посох впитал из земли. Ах, какие у вас удивительные места! Повсюду дремлет магия, древняя, как мир!

– Что дремлет, так это ладно, пусть бы до конца дней дремала. Вот как она перестает дрыхнуть – ох, весело всем приходится! А еще поблизости прохудилась Грань Миров. Лезут к нам такие чудища, что во сне увидишь – подушкой не отмашешься!

– Вроде тех, что напали на вас с Ульфейей?

– И похуже есть. Заходил летом Подгорный Охотник. Сказал: в лесу появились ящеры.

– Это что-то вроде драконов?

– Того Охотника послушать, так выходит, что опасней. Потому что умные, вроде людей, даже разговаривают. Есть у них сильные колдуны, могут перекинуться в кого угодно, даже в человека. Будет такой ящерок с тобой разговаривать, а ты и не поймешь, что это Подгорная Тварь.

– Да правда ли это? Ты сам видел этих ящеров?

– Врать не буду, не приходилось. И век бы их не видеть! Зато залетали на двор такие... с крыльями, со щупальцами...

– Интересно бы здесь пожить, осмотреться... Но надо спешить домой. У меня дочь до сих пор без имени.

– Ну, ясно-понятно! А уж родня-то как обрадуется! Не просто сын отыскался – чародей вернулся в Клан. Госпожа говорила – охранные чары...

– Да. Еще чувствую чужую магию, даже слабые следы. Это могут многие Дети Клана, но у меня это с детства. Поведу, бывало, вот так ладонями... – Хашуэри вытянул руки перед собой и легко развел в стороны, словно раздвигая высокую траву. Вдруг лицо его утратило беспечность. – Ладонями... Хозяин, а ты знаешь, что на твой двор наложено проклятие?

Ответом было опарашенное молчание.

– Старое, – рассуждал вслух Хашуэри. – Цепкое. Долго набиралось силы, как зерно, что в земле ждет своего срока, а потом прорастает. Это стряслось года три назад... нет, пять!

– Пять? – призадумался Кринаш. – Это я только-только женился, рабов еще не купил. Кто ж мне так удружить мог? – Он замолк, припоминая, а затем ухмыльнулся. – Ох, не иначе как Гульда порезвилась!

– Гульда?

– Есть такая старая чума. То ли вправду ведьма, то ли просто ищет, чем у дураков пожить. Где живет – неизвестно. Шляется от деревни к деревне. То пропадет надолго, то вдруг опять ее демоны принесут. И не просит милостыню, а требует, нахально так!

– Странное имя. Какой отец назовет так свою дочь – Дерзкая Речь?

– Во-во, и я думаю, что кличка. И Семейства своего не называет. Мужики ее боятся, как лесного пожара. А меня не запугаешь бабыми угрозами. Нужно тебе что, так попроси учтиво, а не грози, что порчу наведешь! Да и не похожа на нищенку: сама толстая, одежда добротная. Слово за слово – поругались мы... ух, сильна лаяться! Не сдержался, пихнул ее, да сил не рассчитал. Мы на берегу стояли, она в реку и плюхнулась. Выбралась – да как пошла честить меня и все мое хозяйство! Я – за палку. Она заткнулась и убралась.

– Зря смеешься, хозяин. Эти деревенские ведьмы – как старые лисы: много уловок знают. Толковые служанки Хозяйки Зла. Припомни-ка: что она говорила?

Когда-то Кринаш не придавал значения угрозам старухи. Но сейчас встревоженно нахмурился, припоминая. Перед глазами встало круглое обрюзгшее лицо, обрамленное седыми патлами. Рот оскалился в злой ухмылке, которая выглядела жутковато: у Гульды не было верхних зубов, кроме двух, которые напоминали клыки вампира.

– Все не упомяну. Кричала: «Чтоб у твоего порога сошлись все дороги – и по каждой прикатила неурядица! Чтоб вся твоя жизнь – вбок, да вкривь, да наперекор да под откос!» И еще: «Чтоб на твой двор ворохом валились чужие невзгоды, а ты б замаялся их перебирать!» Вот дура, а? Оно мне надо – в чужие дела лезть!

– Сегодня же влез!

– Ну, сегодня... это ж другое!

Оба замолчали, призадумались. Помрачневшая Дагерта села на крыльцо. Разговор этот ей совсем не нравился.

Постоялый двор просыпался. Чумазая Недотепка с деревянным ведром поплелась к Тагизарне по воду. Из пристройки показались Верзила и Молчун и, не дожидаясь, пока их накормят, принялись изображать бурную деятельность. Верзила, подхватив топор, начал сноровисто колоть дрова. Молчун скрылся в козьем загончике, который Дагерта гордо именovala хлевом. Оба разом поняли: у хозяйки не то настроение, чтобы торопить ее с завтраком и вообще соваться ей под руку.

– Еще вот что говорила, – вспомнил Кринаш. – «Чтоб у тебя три гости загостились: Суматоха, Сумятица да Неразбериха!»

– Лучше бы тебе со старухой помириться.

– А мы помирились. Она с тех пор много раз заходила: ворчит, ругается, еды требует и норовит стянуть, что плохо лежит... Нет, где уж Гульде проклятия накладывать! Навидался я таких, пока по свету бродил. Бабы как бабы, только хитрей да ленивее других, работать не хотят... Видать, гостил у меня маг, а я ему чем-то не угодил.

– А господин может снять проклятие? – Дагерта была так расстроена, что осмелилась вмешаться в беседу мужа с Сыном Клана.

– Нет, хозяйшкa, этого не умею. Хочешь – заговорю ограду, чтоб ни твари из-за Грани, ни здешние колдовские существа не смели войти во двор без позволения твоего мужа? Ни из-под земли, ни с неба...

Дагерта выразительно закивала. Кринаш с интересом поднял голову.

Хашуэри поднял свой зеленеющий посох. Лицо стало отрешенным, взор застыл на чем-то, недоступном глазам обычных людей.

Узкие полосы золотистого света скользнули по земле вдоль ограды, зазмеились, заструились все дальше и дальше – и вдруг над подворьем встал, чуть колыхаясь, купол света. Он не слепил глаза, он был легким и прозрачным, его нежные переливы ласкали, как прикосновение материнской руки, сулили защиту и покой.

Из окон в изумлении глядели проснувшиеся гости.

Верзила, выронив топор, запрокинул голову в небо.

Дагерта потрясенно вскинула руки к щекам.

Молчун тихо стоял на пороге хлева. На его тонком, умном лице играли отсветы магического огня.

Из сарая выбрался бродячий художник с сеном в волосах – этот не просто глядел, а впитывал в себя дивную красоту, что просияла над постоянным двором.

Все кончилось быстро. Световые стены опали, исчезли, растворились в воздухе. И стало видно, что над лесом поднимается солнце.

И еще стало видно, что перед воротами торчит перепуганная Недотепка с ведром.

– Что встала? – прикрикнул на нее хозяин. – Неси воду на кухню!

– Да-а, – прохныкала девчонка, заходя во двор и указывая пальцем на ограду. – А чего оно светится?

Кринаш пригляделся. По земле вдоль ограды тянулась тоненькая золотистая полоска.

– Это так теперь и будет, – проследил его взгляд Хашуэри. – И без твоей воли не войдет сюда ни Подгорная Тварь, ни оборотень, ни упырь, ни лесовик. Вот только против магов чары не действуют.

– Слыхала? – грозно обернулся Кринаш к Недотепке. – Так оно теперь и будет светиться! А ты так и будешь ходить! Боишься – закрой глаза и иди не глядя!

Девчушка понатливно закивала, с готовностью зажмурилась, сделала несколько шагов – и грохнулась наземь, выронив ведро.

– Ох, дурочка, да сейчас-то зачем глаза закрывать? – пожурела ее Дагерта, бросив укоризненный взгляд на мужа. – Всю юбку изгваздала! Беги на кухню, просушись.

* * *

Солнце клонилось к закату.

У пристани стоял большой, с низкой осадкой корабль «Речная лилия». Он поднимался вверх, к истокам Тагизарны, и остановился здесь на ночлег.

– Очень удачно, – глядя на корабль, сказал Хашуэри хозяину. – На рассвете и отплывем домой. Хочется скорее увидеть дочку. Пожалуй, в память о том, что произошло, я назову ее Ульки Серебряное Деревце. Ты не против, дорогая? – обернулся он к Ульфейе.

Та степенно кивнула. За день женщина успокоилась, привела в порядок одежду и теперь держалась с достоинством, приличествующим будущей супруге Сына Клана.

Внезапно в чинную беседу ворвался возбужденный крик:

– Идемте! Скорее, пока солнце не село! Поглядите! Все поглядите! Я ее все-таки... я ее нарисовал!

Художник, сияющий, взъерошенный, как воробей, размахивал руками в воротах.

Кринаш заинтересованно направился к нему. Следом потянулись все, кто был во дворе: Дагерта, рабы, гости.

Художник работал за оградой, чтоб не мешали любопытные зеваки. Еще утром Верзила помог ему перетащить туда огромный щит, сколоченный из гладких досок.

– Вот она! Я так быстро еще никогда не работал! Издали смотрите, она же большая!

Все замерли в очарованном молчании, только тихо ахнула Ульфейя да потрясенно ругнулся капитан «Речной лилии».

Картина была прекрасна, как сновидение ребенка под тихую колыбельную песню.

Со щита, улыбаясь, смотрел чародей. Он не был похож на Хашуэри. Таких чародеев представляешь себе в детстве: седобородый, ясноглазый, с веселыми морщинками у глаз, в мантии со звездами. Как сказал однажды маленький Нурнаш, «волшебный волшебник». Правой рукой он вздымал украшенный самоцветами посох, а на левой ладони держал крошечный постоянный двор, тщательно прорисованный во всех деталях. Над маленькими постройками реял купол золотистого света.

Лицо мага было мудрым и добрым. Самоцветы в навершии посоха таинственно мерцали, храня неведомые чары. Золотой свет проливался над игрушечными крышами с такой неизъяснимой красотой, что перехватывало горло. Это была сама сказка, явившая себя среди бела дня и застывшая перед глазами людей.

А внизу было крупно выведено: «Посох чародея».

– Ух ты! – выдохнула наконец Дагерта.

– Вот это скипетр! – негромко сказала Ульфейя жениху. – Не то что твое помело!

– Ты всегда будешь ревновать меня к моей магии? – с понимающей улыбкой шепнул в ответ Хашуэри.

– Всегда, – убежденно кивнула Ульфейя и обернулась к художнику. – Ну, если уж это тебе не шедевр...

Живописец тоже вспомнил вчерашний разговор.

– Да! – вскинул он руки к груди. – Я понял! Вдохновение делает возвышенным все, даже трактирную вывеску. Потому что вдохновение – это сопричастность чуду и...

– А почему название другое? – придирчиво перебил хозяин. – Я же хотел «У Кринаша»!

Художник оскорбился: он должен думать о таких пустяках? У него вдохновение!

Все, даже Дагерта, начали уговаривать Кринаша быть снисходительнее. Не переделывать же чудесную вывеску из-за такой мелочи! Вон как красиво посверкивают буквы среди звезд

на мантии волшебника! А что до названия, так на реке все и так знают имя хозяина самого лучшего постоянного двора!

Кринаш огрызался и гневался до тех пор, пока не почувствовал, что его настойчиво дергают за штанину.

– Пап! – зазвенел снизу возмущенный голосишко. – Ну, что ты заладил: у Кринаша, у Кринаша... А у меня?

– Вот! – засмеялся Хашуэри. – Забыл ты, что здесь молодой хозяин подрастает. Придет пора ему принять дело в свои руки – вы что, название менять будете?

Кринаш подхватил сына на руки и расхохотался:

– Ладно, сдаюсь!

– Когда парень вырастет, – с сожалением сказал капитан «Речной лилии», – эту красоту так и так менять придется. Ее же ветер будет бить, снег, дождь...

Все разом замолчали, осознав, как непрочно представшая их взорам красота. Художник не побледнел даже, а позеленел, словно уже увидел свой шедевр истерзанным дождями.

Дагерта спросила робко:

– А не поможет ли высокородный господин? Если можно не пропускать в ворота тварей, то почему нельзя сделать... ну, чтоб не подпускать к картине дождинки-снежинки и прочий ветер? Это ведь тоже охрана!

Лицо молодого мага стало отрешенным – как утром, когда он творил чары.

– Охрана... гм, почему я раньше не сообразил? Богатая идея, сулит многое, если обдумать. Кринаш, у тебя очень умная жена. А с картиной – да, должно получиться!

Он направился к вывеске, на ходу взмахнув ветвистым посохом.

– Краски не просохли! – в ужасе взвизгнул художник и метнулся следом, но Кринаш перехватил его, не дал помешать магу.

Золотистые змейки опоясали щит, бросая отсвет на картину. Теперь от нее и вовсе трудно было оторвать взгляд.

– Завтра я ее – на крышу, – мечтательно протянул Кринаш.

– Повезло тебе, хозяин, – вздохнул художник. – Такую картину – за несколько мисок каши! В столице за нее бы золота не пожалели.

– Ну уж и золота! – оцетинился Кринаш, готовый отстаивать свой кошелек. Но тут же его лицо просветлело. – Хотя вывеска и впрямь неплоха. Умеешь, парень, рисовать. Пожалуй, буду кормить тебя бесплатно каждый раз, как завернешь ко мне. Только не устраивайся тут на постоянное проживание, ладно?

Художник понял, что для хозяина это верх щедрости, и смирился, промолчал. А Кринаш представил себе светящуюся красоту, которую издали будет видно во мраке, и окончательно перестал жалеть о том, что не его имя поднимется над лесом и рекой.

– Ладно, – хлопнул он художника по плечу, – пойдемте все в трапезную. Дагерта, неси вино, я угощаю. Выпьем за «Посох чародея»!

2. СЕРАЯ ПТИЦА

Холеные белые пальцы женщины с нежностью перебирали крупные стеклянные бусины в изящной резной шкатулке.

Некоторые из бусин еще оставались молочно-белыми – как в тот день, когда четырнадцатилетней девчонке подарил ожерелье ее первый мужчина.

Первая любовь – как оказалось, она же и последняя.

Первый подарок, не выпрошенный холодно и расчетливо. Кажется, и единственный.

И первое осознание своего Дара.

Каким это было озарением, какой злобной радостью – понять, что в постели она может высосать из человека талант или мастерство и присвоить себе – хотя бы ненадолго...

А потом пришла способность заключать похищенное в бусины и хранить бесконечно.

Вот оно, ее сокровище – дороже кладов древних королей!

Пальцы вертят бледно-желтую бусину. Что здесь?.. Умение восхитительно играть на лютне. Память об одном музыканте. Не очень полезно для жизни – так, брэнчание! Но ведь не знаешь заранее, что и когда может понадобиться...

Вот темно-коричневая, почти черная бусина, похожая на очи страстной, неистовой рабыни-наррабанки, что рычала и кусалась в ее объятиях, словно тигрица. Она и видела потигриному – во мраке, сквозь мглу! Вот оно, это редкое свойство, заключено в карюю бусину, лежит смирно, ждет хозяйской воли.

А вот зеленоватая, цвета теплой морской волны, – в ней скрыто умение плавать и нырять на зависть дельфинам... он и сам был почти дельфином, тот загорелый рыбак.

А здесь? Ах да, сила! Удивительная силища того наемника из Фатимира... как его звали-то? Ну, не важно! Он был могуч, как тролль, на спор поднимал быка. Потрясающий мужчина! Жизнь в нем билась и пенилась, словно вода на каменных потоках Тагизарны. Он даже сумел выжить после... ну, после того как еще одна белая бусина поменяла цвет. Кажется, жив и теперь. Собирает милостыню по дорогам – жалкий калека с трясущимися руками, не способными удержать даже кружку с вином.

И все же – какое жизнелюбие! Кажется, из всех ее любовников и любовниц в живых остались только двое – этот наемник да ее первый муж...

Первый муж! Белые руки дрогнули над шкатулкой, алый рот недовольно скривился. Ну сколько можно портить себе кровь этим воспоминанием?

Чтобы вернуть хорошее расположение духа, женщина кончиком пальца откатила в сторону от остальных две бусины. Самая ценная добыча – и самая дорогая память.

Вот этот алый шарик хранит в себе Дар Истинной Чародейки!

Первая любовница... Как это было давно! Шестнадцатилетняя дурочка еще и не подозревала, что постель можно делить не только с мужчиной. И вдруг судьба дарит встречу с двадцатилетней Дочерью Клана – тонкой, хрупкой, с нервно подрагивающими ноздрями. Ее сжигало изнутри пламя желания, не гасло ни на миг, не отпускало... Позор Клана, распутница, от которой отказались родные, – но это ей было безразлично.

О-о, она умела заполучить добычу! Она не знала отказа – и не потому, что была высококородной госпожой. Чары, неодолимые чары влекли в ее объятия любого, кого она избирала. Стоило ей начать напевать... мурлыкать тихонько, вроде как для себя...

Две девушки уехали в глушь, в тагихарские леса, в охотничий домик. А вернулась из Тагихара лишь одна, другая разлетелась по ветру с чающим дымом костра. Зато осталась алая бусина. Драгоценная. Лучшая из ожерелья. Проверенное оружие, способное уложить в постель – а затем и на костер – любого, чье умение или талант вызывает зависть.

Сравниться с ней может только эта, переливчатая, совсем недавно получившая свой дивный изменчивый цвет. А какая холодная! Сколько ни грей в ладонях, не согреешь.

Случайная добыча. Даже вспомнить смешно – так, забава, каприз. Захотелось проверить могущество алой бусины. Она томит сердца мужчин и женщин, возвращает силу старикам. Но сумеет ли она зажечь любовный жар... ну, скажем, в животном? Всякие быки-кони – как-то низко, недостойно. Ах, встретить бы в лесу медведя, на нем бы испытать чары!

Но выпал куда более редкий случай. Совершенно невероятная встреча в предутреннем лесу, когда она возвращалась в замок после одной из вылазок на поиски приключений.

Она получила приключение, о каком и не мечтала!

Ящер! Настоящая Подгорная Тварь! Чешуйчатое чудище с тремя глазами и змеиным языком, мечущимся в клыкастой пасти. Как грозно высился он над ней, поднявшись на задние лапы и опираясь на могучий хвост! Даже выше того гиганта-наемника из Фатимира!

Да, ей есть чем гордиться. Испугалась, но не дрогнула, не побежала. Привычно завела песню без слов – и сама не заметила, как песня превратилась в низкое медленное шипение. Оно поползло по сырой траве и заставило монстра изумленно оцепенеть...

Женщина откинула голову, расхохоталась. Все самцы одинаковы – что в коже, что в чешуе! Интересно, что мерещилось хвостатому доверчивому придурку? Неотразимая клыкастая красotka? Во всяком случае, он оказался менее стойким любовником, чем человек. Люди, бывало, по месяцу оставались живы, ночь за ночью возвращаясь в объятия колдуньи. А у чешуйчатого уроды к рассвету остекленели все три глаза, тугие мышцы бессильно обмякли, хвост дернулся в последний раз...

Воспоминания забавные, но не особенно приятные. Ободранные руки, разбитые в кровь колени, боль во всем теле – вот и все удовольствие. Даже почти пропала охота искать в лесу медведя. Зато подарок, полученный от умирающего ящера, выпитый из него вместе с жизнью... о-о, это нечто невероятное!

Слышала она от Подгорных Охотников, что среди ящеров есть могучие колдуны, умеющие принимать любое обличье. Оказывается, Охотники не всегда врут. Вот она, переливчатая бусина! Правда, ее хозяйка может пока принять не всякое обличье. Но со временем обязательно научится!

Улыбка исчезла с лица красавицы. Заигралась с любимыми игрушками, а ведь предстоит важное дело!

За тонкую нить она подняла переливчатую бусинку, надела на шею, в который раз пожалев, что нельзя носить все бусины сразу. Затем взяла со стола письмо, которое доставил гонец, и еще раз его перечитала.

Угроза, и серьезная. Мало того, что вернулся враг, которого она считала мертвым, – он хочет вытащить из небытия другого, куда более опасного врага!

Женщина взяла с мраморного столика колокольчик и позвонила. Вошла служанка, крепкая, рослая девушка со скромно опущенными глазами.

Госпожа не спеша убрала шкатулку с бусинами в потайной ящик туалетного столика, щелкнула хитрым замочком, открыть который умела лишь она.

– Я больна, – спокойно сообщила она служанке. – Головные боли, тошнота, нервы... ну, сама знаешь, что сказать. Проболею несколько дней.

– Да, госпожа Вастер, – без удивления поклонилась девушка.

– Никого не допускаю на глаза, лежу в постели, еду мне носишь только ты.

– Да, госпожа Вастер. – Голос служанки был так же ровен и негромок.

Вастер вышла в низкий коридор и по узкой каменной лесенке поднялась на башню. Остановилась меж невысоких зубцов, всей грудью с удовольствием вдохнула вечерний воздух. Предстоял дальний путь – до верховий Тагизарны, в сердце тагихарских лесов. Но такая дорога была ей по душе – прямая, как стрела, небесная стезя!

Внизу тянулась стена замка, по которой скучающе слонялся часовой – больше дань традиции, чем необходимость. Кому нападать на замок?

Дождавшись, пока лентой с черно-синей перевязью на груди отойдет так, что не сможет видеть женщину на башне, Вастер сбросила на грязные камни бархатный плащ и, сев на край парапета, бесстрашно свесила наружу ноги.

Служанка спокойно подняла плащ и отряхнула его. Когда она отвела глаза от плаща, на парапете вместо женщины сидела гигантская светло-серая птица. Она была похожа на ворону – если бывают вороны размером почти с человека.

Птица повернула к служанке голову с мощным клювом и черными глазками. Среди взъерошенных перьев на груди поблескивала переливчатая бусина.

– Пусть госпожа не беспокоится, – заверила девушка птицу. – Все сделаю как надо.

Не издав ни звука, птица сорвалась с парапета. Крылья ее были мягче и бесшумнее, чем у вороны.

Служанка не глядела вслед улетающей в закатное небо серой тени. Она перебросила бархатный плащ через руку и начала осторожно спускаться по крутым ступенькам.

* * *

Гигантский черный пес с всклокоченной шерстью встревоженно выбрался из будки, хрипло и коротко гавкнул, но тут же забил хвостом по земле: на крыльце появилась Дагерта. В руках у нее была глубокая деревянная миска, источавшая аромат вчерашней похлебки, в которой плавали обглоданные кости.

– Заждался, псина? Несу, несу...

Пес атаковал миску. Дагерта с улыбкой глядела, как насыщается черный зверь.

Кринаш прав: собака во дворе нужна. И пса они завели хорошего: чуткого, в меру злого, а главное, понимающего, что такое дети. Когда Нурнаш удрал из-под присмотра Недотепки и полез знакомиться с «собаченькой», пес покорно снес все выходки ребенка. Даже когда малыш вытаскивал из спутанной шерсти колючки репейника – рычал, но терпел.

Да, с собакой им повезло. Вот только хотелось бы получить ее из других рук!

Хозяйка постоянного двора помрачнела, вспомнив грузную фигуру, седые растрепанные волосы, злой взгляд из-под капюшона плаща и пронзительный голос, повествующий о горькой участи одинокой старухи, о больной спине и о том, какие неотзывчивые мерзавцы живут на этом отвратительном свете.

Зачем опять заявила старая ведьма? Если б не Кринаш, Дагерта заперлась бы в доме, оставив на крыльце кабаньих окорок или пару старых сапог – пусть берет, лишь бы убралась поскорее! Но Кринаш не верит, что Гульда может всерьез навредить. Эта жуткая старуха его попросту забавляет.

Несколько дней назад Гульда притащилась на постоянный двор, волоча на веревке огрызающегося черного пса. Голосом, который наверняка было слышно на другом берегу, она жаловалась на жестокую судьбину, разлучающую ее с единственным другом. Вот это благородное животное она своими руками вскормила со щенячьего возраста. Пес охранял и защищал беспомощную старушку. А теперь злая нужда заставляет продать того, кто ей как сын родной!

«Сын родной» прижимал уши, скалил по-волчьи белые клыки и выразительно глядел на старухино горло. Но не пытался укусить. Может, Гульда и не такая уж сильная чародейка, но свести собаку с чьего-то двора у нее хватило умения. Правда, упирался пес так, словно его вели на живодерню. Кринашу пришлось помочь бабке затащить его во двор.

А уж цену заломила – будто за корову! Кринаш, которому пес понравился, торговался как демон и сбил цену. Сбил бы и ниже, да хитрая старуха сообщила, что ее питомца зовут Хватом.

Кринашу понравилась мысль назвать пса кличкой атамана, что разбойничал в здешних лесах. Он подобрел и заплатил старухе больше, чем собирался вначале...

Забрав опустевшую миску, Дагерта потрепала Хвата по загривку и пошла прочь. Некогда здесь торчать, у хозяйки столько дел с утра!

Громкий смех заставил женщину обернуться. От пристройки через двор наперегонки бежали к бочке с дождевой водой Верзила и Молчун.

Первым успел Верзила. Нагнувшись, начал с удовольствием умываться. Широкая спина почти накрыла бочку. Молчун не мог упустить удобного случая – отвесил приятелю пинка.

Верзила гневно обернулся.

Молчун с невинным видом указал на будку: мол, это не я, это Хват...

– А-а, – кивнул Верзила понимающе. – Я так и подумал, что какая-то собака!

Обманутый его мирным тоном, Молчун сунулся к бочке. Это было большой ошибкой. Мстительная рука ухватила его за шиворот – и в воду!..

Дагерта глядела на эти забавы со снисходительной усмешкой старшей сестры. Ох уж эти мужчины! В любом возрасте остаются мальчишками!

И тут же спохватилась, напустила на себя хозяйскую суровость:

– Распрыгались, бездельники! Давайте на кухню, завтрак ждет. А потом ты, Молчун, задашь сена лошадям. А Верзила пусть воды натаскает.

* * *

– Дедушка, дедушка, я боюсь! Тут птица, такая большая, страшная!

– Где?.. Ах ты... Ну-ка, маленькая, беги в дом. Не бойся! Вот дед возьмет палку и задаст этой негоднице! Ишь разлеталась, внученьку мою пугает!

– Дедушка, это ворона?

– Что ты, глупышка! Она же вон какая большущая! Это прешагри, «серая тень». Они к нам из Подгорного Мира залетели и расплодились вдоль Тагизарны... Кыш! Кыш!

Огромная птица, склонив голову набок, без страха глядела на старика, размахивающего на пороге палкой. Из-под его локтя выглядывало любопытное личико девчушки. Убедившись, что крылатую гостью не прогнать, старик плюнул и захлопнул дверь.

Прешагри плавно слетела на землю и принялась вприскокку прохаживаться под окном, вслушиваясь в обрывки беседы деда с внучкой.

Вастер, принявшая облик птицы, готова была к долгому ожиданию. Но судьба сделала ей поблажку: обитатели хижины почти сразу заговорили о том, что ее интересовало.

– Ой, дедушка! Деньги! Откуда? Вчера же никто не приходил в храм!

– К богам – нет, а ко мне приходили. Завтра дедушка купит своей козочке новые башмаки, а то старые она совсем стоптала – скачет, скачет...

– Тот господин в синем плаще, да? Это он дал деньги?

– Он, милая. Помнишь книгу, куда я записываю, кто когда родился, женился, умер? Не все жрецы так делают. Ленятся – мол, кому это нужно? А вот пригодилось! Человек серебра не пожалел, чтоб я ему скопировал одну запись. Видишь, козочка: мне за аккуратность и старание боги послали награду. А ты всегда вещи разбрасываешь...

Дальше Вастер не слушала. В покрытой перьями голове бушевала совсем не птичья ярость. Опоздала! Опоздала! Мерзавцы-слуги поздно ее предупредили! Врагу известна ее тайна... верная гибель...

Девчонка сказала: господин в синем плаще приходил вчера. Отсюда ему один путь – вниз по Тагизарне... Догнать! Уничтожить! Но сначала – жрец и книга!

– Внученька, огонь гаснет. Принеси хвороста.

– Не пойду. Там эта противная птица.

– Не улетела еще? Вот дрянь! Погоди, сам схожу!

Опираясь на палку, старый жрец выбрел во двор и с усмешкой огляделся: где эта прешагри, так напугавшая его маленькую козочку?

И тут с крыши ринулась смерть на распахнутых серых крыльях. Крепкие когти впились в плечи старика. Тяжелый клюв ударил дважды, глубоко погружаясь в глазницы.

На хриплый предсмертный крик из дома выглянула девочка – и с визгом метнулась обратно. Но успела увидеть, как с пыльной травы, от тела лежащего старика, поднимается на четвереньки страшная, растрепанная, похожая на зверя женщина.

Она кинулась в дом вслед за ребенком. Вцепилась в хрупкие плечи. Приблизила к помертвевшему личику свое мертвенно-бледное лицо с огромными, как омуты, глазами:

– Где книга?!

Онемевшая от ужаса девочка смогла лишь мотнуть головой в сторону сундука.

Отшвырнув девочку, Вастер бросилась к сундуку. Отлетела, грохнувшись о стену, тяжелая крышка.

Нарядная, аккуратно сложенная одежда жреца. Два платица девочки. Маленькие меховые сапожки. И две книжки – «Численник» и «Землеописания».

С проклятием Вастер обернулась – и увидела, что девчонка успела выскочить за дверь.

Где же книга? Вастер дернулась к порогу: догнать соплячку, выцарапать из нее дедовы секреты! Но тут же остановилась. Огонь! Что скрывает тайны надежнее пожара?

Разодрав «Численник», она швырнула серые плотные страницы на догорающие угли очага. Пламя взвилось мгновенно, словно откликнувшись на страшный призыв. Выхватив из сундука детское платице, Вастер скрутила его жгутом, сделала подобие факела и повела им вдоль деревянных стен. Если у старикашки был тайник – она не станет тратить времени на поиски. Огонь поищет за нее...

Притаившись в орешнике, внучка жреца с ужасом глядела, как из двери вместе с повалившимися наружу клубами дыма вышла та жуткая женщина, обвела взглядом двор, ни на миг не задержавшись на неподвижном теле старика. И тут вместо женщины на дворе очутилась громадная птица. По-вороньи переступила когтистыми лапами, беззвучно распахнула клюв, распахнула серые крылья и взлетела в утреннее небо.

* * *

Руки Верзила были заняты деревянными ведрами, поэтому калитку он открыл пинком. Вышел за калитку – и остановился в недоумении.

На темных досках причала, свесив ноги, сидел человек. Бродяга бродягой! Куртка уже много лет как перестала изображать щегольской наряд. Плаща и вовсе нет. На золотисто-каштановых волосах осели мелкие капли – ничего не скажешь, сырое утро выдалось.

Верзила, поставив ведра, воззрился на незнакомца. Обычно нищая шантрапа обходила двор Кринаша, предпочитая «Жареный петух»: трактирщик не гнушался брать за постой краденое барахло. И почему этот парень появился с утра? Где он ночь-то провел?

– Эй! – окликнул наконец Верзила загадочного пришельца.

Тот не услышал, углубившись в созерцание могучего черного потока.

– Эй! – возвысил голос Верзила. – Я с тобой говорю, приятель!

Бродяга обернулся. Молодое лицо, длинное, лукавое, с веселыми серо-зелеными глазами.

– И сразу «эй», – огорченно откликнулся он. – Понимаю, по мне не скажешь, но у меня есть имя! И оно звучит совсем не похоже на «эй». И дал мне его, как ни странно, отец, а не надсмотрщик в каменоломнях!

Верзила дернулся: неприятный бродяга угодил в самую точку! Но ответить не успел: от калитки послышался хозяйский голос:

– Да неужто гости в такую рань?

Следом за Кринашем из калитки выглянула Дагерта: ей тоже было любопытно, кто это спозаранку прибред в «Посох чародея». Бродяга вскочил на ноги. В глазах хозяйки скользнуло разочарование, но оно сменилось одобрителем интересом, когда парень, махнув хозяевам поклон, поднял с досок причала не замеченную Верзилой лютню. Сразу все встало на свои места. Бродячий певец!

Парень уверенно пробежал пальцами по струнам и запел красивым, звучным голосом:

Мне приют за песню дайте
Хоть до ласточек в саду!
На мороз не выгоняйте —
По весне я сам уйду!

Кринаш довольно ухмыльнулся. Каждую осень звучит эта старая песня по Силурану, Грайану, Гурлиану. Бродячие актеры ищут кров на зиму – на постоянных дворах, в замках, в домах зажиточных крестьян.

И когда от бурь застонет
Серо-сизый небосклон,
Вам по жилам кровь разгонит
Струн веселый перезвон.

Дагерта попыталась нахмуриться: мол, подумаешь, бродячий певец, много вас тут шастает!

Но губы против воли растянулись в улыбке.

И когда зимы осада
Вечерами станет злей,
Призовет моя баллада
Тени древних королей.

Смягчился даже Верзила, которому поначалу пришелся не по душе вредный гость. Певец на постоялом дворе – это неплохо!

К вам в окно капель стучится —
Выйду, свистну, улыбнусь,
Запою весенней птицей
И назад не обернусь!

Струны умолкли, певец еще раз низко поклонился.

– Арби Золотое Жало! – торжественно представился он. – Из Семейства Лейтуш!

Таким тоном придворный герольд провозгласил бы явление государя.

Хозяин с широкой улыбкой обернулся к жене:

– Как, дорогая? Перезимуем с музыкой?

* * *

Бескрайнее море леса с желтеющими вершинами, среди которых островками темнели макушки елей. Серо-стальная полоса реки. И кораблик – маленький, словно игрушечный.

Серая птица, накренив расправленные крылья, поймала нисходящий поток воздуха.

Не может быть, чтоб она ошиблась! Ее враг должен быть на корабле! Не стал бы он пробираться в Джангаш по лесным дорогам, которые могут уже сегодня превратиться в хлюпающий кисель!

Плавно приблизилась палуба.

Бородатый верзила у руля. Матросы ставят парус. Темноволосая девица, указывая на берег, что-то говорит своему спутнику – бледному человечку с заметной лысиной.

Неужели все-таки ошибка?!

Не успела Вастер почувствовать всю глубину отчаяния, как открылась дверь каюты в палубной надстройке. Вышел румяный толстяк-капитан. А за ним – человек в синем плаще.

При виде ненавистного лица Вастер чуть не ринулась в атаку. Но вовремя удержала себя на безопасной высоте. Это не старикашка с палочкой. Такой ухватит за крыло – да шмяк о палубу! А главное – у негодня бумаги! Их кто угодно с мертвого тела возьмет.

Птица закачалась на распахнутых крыльях. Внезапно вспыхнула надежда. Впереди у корабля – опасные пороги, что называются Пенными Клыками. А вдруг корабль разобьется и пойдет ко дну?

Да, Вастер подождет до Пенных Клыков, а там видно будет.

* * *

– Что-то Молчун мне на глаза не попадается.

– И не попадетсЯ. Я отправила его на пасеку, у нас меда мало осталось. Завтра вернется... Как думаешь, стражники у нас долго проторчат?

– А куда им спешить? Назад, в замок? Там десятник враз к делу пристроит. А здесь они вроде как не дурака валяют, а какого-то беглого ловят. Уж до завтра наверняка будут вино хлестать, тем более что дождь собирается. Мне вот интереснее, что за мальчишка к нам забрел – тот, что не назвался. Одежда плохонькая, а руки не натруженные. И перстень снять забыл – не из дешевых. И заплатил вперед без писка...

– Я его напрямик спрошу, кто да откуда, на женщину не обидится. А что ты думаешь про певца? Уж больно выхваляется...

– Вечером споет, тогда скажу, что о нем думаю. А что нос задирает, так ведь в их ремесле скромность еще никого не прокормила и...

Кринаш не окончил фразу: лежавший у его ног черный пес вскочил и разразился таким свирепым лаем, словно к воротам приближалась сама Хозяйка Зла.

Дагерта обернулась к калитке, поспешно натянув на физиономию лучезарную улыбку, предназначенную исключительно для гостей. Но улыбка сразу увяла, а Кринаш негромко ругнулся и бросил взгляд в сторону топора, всаженного в дубовую колоду.

За приоткрытой калиткой мялись двое парней весьма потрепанного вида. Один, как на посох, опирался на лук со спущенной тетивой. У второго в руке была дубинка, а из-за пояса торчали два метательных ножа.

– Явились! – встретил их хозяин недоброй усмешкой. – Холодом потянуло? Ищите, где зазимовать? Не бойтесь, что оглоблей привечу?

На пороге конюшни возник Верзила. Небрежно прислонился к дверному косяку – мол, притомился работник! Но вилы из рук не выпускал.

Дагерта, не отводя глаз от непрошенных гостей, протянула руку к пленнице, нащарила суковатое полено.

– Ну, что так неласково – «оглоблей привечу»? – примирительно сказал смуглый косо-глазый парень с хитрой рожей. – Повстречай мы тебя на лесной тропе, поучтивее бы вели беседу! Или забыл, как мы на этом самом дворе клялись тебе в вечной дружбе?

– Не в дружбе, – брезгливо уточнил Кринаш, – а что не станете пакостить моей семье и гостям. Ни тебе, Бурьян, ни шайке твоей поганой, ни атаману вашему я другом сроду не был.

– Да ладно, какая разница! – еще дружелюбнее продолжал Бурьян. – Главное, ту клятву дали, верно?

Суровая Дагерта хихикнула, как девчонка. Она прекрасно помнила, чем завершилась затяжная война с шайкой. Кринаш тогда ухитрился похитить атамана из-под носа у его дружков. И пообещал утопить Хвата в отхожей яме, если ватага не поклянется впредь не посягать на его имущество, на его близких и гостей...

– А я вам ни в чем не клялся, – широко улыбнулся хозяин. – Не надейтесь здесь зимовать, я лучше троллей на постой пушу. И закройте калитку, пока мой пес от вас блох не набрался... А ну, цыц, Хват, пошел в будку!

К удивлению Кринаша, разбойничьи физиономии расплылись в довольных ухмылках.

– Слышь, Горластый, Кринаш пустобреха назвал Хватом! – обернулся Бурьян к своему молчаливому приятелю. – Оно, конечно, верно, да только не обидно ли для псины?

Горластый кивнул.

Дагерта недоверчиво глядела на разбойников. Верзила хмурился. А Кринаш первым сообразил, в чем дело. Откинул голову, расхохотался, ударил себя ладонями по бедрам:

– Он все-таки смылся от вас? С добычей, ясно-понятно? Ай да Хват! Ну, ловок! Такой на эшафоте у палача удавку стибрит! Я ж вас остерегал, дурни вы лесные!

Пес лаем вторил этой восторженной речи.

Разбойники пристыженно маялись за калиткой. Им самим было непонятно: почему не заподозрили главаря в коварных умыслах? Не зря Хват норовил в одиночку припрятать самую ценную добычу! Говорил, так добро целее будет. (Поэтому, кстати, лесная братия так дружно выручала вожака из плена. Если бы он – единственный! – не знал, где зарыты общие денежки, так и пропади он пропадом, пусть бы его и впрямь в отхожей яме утопили!) И теперь, когда разбойникам в кои веки досталось настоящее сокровище, они ему даже порадоваться толком не успели.

Впрочем, о сокровище они Кринашу рассказывать не собирались...

А хозяин постоялого двора унял смех и сообразил, что упустил нечто существенное.

– Что встали у калитки, как нищие? – сказал он мирно. – Заходите, недотепы ограбленные! Рассказывайте, кто у вас теперь в главарях ходит? Комель?

Когда живешь в глуши бок о бок с разбойничьей шайкой, известие о новом атамане важнее, чем весть о смене короля в далекой столице. Кринаш не только знал разбойников в лицо и по кличкам, но и представлял, на что способен каждый из них. Как он добывал такие сведения? Да на постоялый двор слухи сами стекались, знай держи ухо настороже!

– Комель? – переспросил Горластый. – Не... Мы это... костер ему на днях сложили.

У разбойника был слабый, писклявый голос, поэтому он предпочитал молчать.

– Надо же! – удивился Кринаш. – Кто ж его сумел ухайдакать? Я думал, у вас нет таких!

– А ты наших наперечет знаешь? – хмыкнул Бурьян. – К нам прибились остатки бывшей команды Сарха – слыхал про такого?

Вот это была уже всем новостям новость!

Кринаш посерьезнел и внимательно выслушал невероятный рассказ о гневe богов, обрушившемся на корабль речного пирата – распахнулась Грань Миров и вновь сомкнулась, поглотив наррабанца. Корабль сгорел, из команды уцелела разве что треть.

– Вот оно как! – присвистнул Кринаш. – И вы решили объединить шайки? Ясно-понятно. И кто ж теперь вами командует?

Калитка скрипнула, растворилась пошире.

– Я командую, – прошептал прозрачный голосок – словно птица спорхнула с ветки.

Кринаша трудно было поразить. Но сейчас он ошеломленно взирал на возникшее перед ним хрупкое существо.

Сначала – из-за снежно-белых волос – ему показалось, что с ним заговорила маленькая старушка. Затем он сказал себе: «Ребенок, ясно-понятно, лет двенадцати!» А когда кроха в мальчишеской одежде встретилась с ним глазами, Кринаш понял, что вновь ошибся. У ребенка не может быть такого быстрого оценивающего взгляда. Холодные светло-голубые огни на миг сверкнули из-под длинных ресниц – и мужчина понял, что его изучили до последней косточки и назначили ему цену (кажется, не очень высокую). Женщина или девушка, уже освоившая все хитрости своего непостижимого племени. Но сколько же ей лет?.. А Серая Старуха ее знает!

Одно совершенно ясно: родом эта особа из Ксуранга. Тут уж не ошибешься: матовая гладкая кожа, тонкие неподвижные черты лица – словно дорогая фарфоровая кукла. Из-под корней волос по высокому лбу сбегает на висок тонкий завиток татуировки.

Настоящая ксуури! Это можно понять и с закрытыми глазами, если прислушаться к щебету, который у них называется речью. Откуда она здесь взялась? Ксуури – домоседы. За свои непроходимые горы почти не выбирают и чужаков к себе пускают неохотно...

Диковинная гостья правильно истолковала замешательство хозяина.

– Да, я ксуури. Когда я покидала мою страну, меня заставили оставить там имя. Называй меня Уанаи, что означает «изгнанница». – Взгляд голубых глаз скользнул мимо Кринаша. – Ой, это коза? Я никогда не видела живую козу. Можно ее погладить?

Сейчас она не выглядела взрослой женщиной. Этакая городская девчушка, впервые попавшая на крестьянский двор.

Из десятка ответов, смятенно суетившихся в мозгу Кринаша, на язык пробился один, не самый удачный:

– Осторожно, она бодается.

– Ничего, – пропела Уанаи и скользнула мимо хозяина к хлеву, откуда выглядывала любопытная черная голова с острыми рогами. Ксуури принялась нежно гладить козу. Вредная демонница на копытах, гордо носившая кличку Злыдня и не подпускавшая к себе никого, кроме Дагерты и Молчуна, смиренно подставляла лоб под прозрачную белую руку.

Кринаш перевел ошарашенный взгляд на разбойников.

– Все так, – печально ответил Бурьян на его невысказанный вопрос. – Вот это самое нами теперь и командует.

– Сами удивляемся! – подтвердил Горластый.

Девчонка продолжала играть с козой. Тем временем Бурьян при поддержке Горластого поведал изумленным слушателям историю, в которую Кринаш не совсем поверил.

Оказывается, чужеземное создание объявилось в шайке в день, когда бывшие лесные молодцы Хвата затеяли объединиться с бывшими речными пиратами Сарха. Потому и возникло недоразумение. Пираты решили, что странная девица – из разбойничьей ватаги. Может, попала им в лапы как добыча и осталась для забавы и утех. А разбойники решили, что белобрысую притащили с собой пираты.

Ошибка обнаружилась, когда принялись выбирать атамана. Особо не спорили: конечно, это будет Комель, в чьем характере удачно сочетались наглость и свирепость. С ним и Хват в свое время держал ухо востро. Люди Сарха немного потрепыхались, но никому не хотелось драться насмерть с неистовым кабаном, рожа которого была искажена злобной радостью: «А вот кого в ключья порвать?!»

Еще немного, и Комель был бы объявлен вожаком. Но тут на всеобщее обозрение вылезло белоголовое чудо и расщебеталось на всю поляну. Ей, мол, не нравится Комель, этот, как она выразилась, тролль с горячими углями вместо мозгов. Из него, мол, атаман, как из бешеной собаки звездочет. Если ватага не может предложить никого лучше, чем страдающий зубной болью хряк, то придется ей, Уанай, взять дело в свои руки.

И все это ровным, приветливым, даже чуть извиняющимся голосом.

Парни онемели. Комель первым пришел в себя и потребовал, чтобы тот, кто привел сюда эту шлюшку, немедленно задал нахалке хорошую порку. Выборы атамана – дело серьезное, нечего делать из них ярмарочную потеху.

Тут все зашущукались: что, мол, за девка, откуда взялась? А та без объяснений провела у ног разбойника черту и произнесла положенные слова вызова. Знает, стало быть, лесные обычаи.

Шутки кончились. Слова вызова нельзя не услышать. И отказаться от них нельзя. Из двоих один уже мертв, а кто – покажет поединок. Парни потребовали, чтобы Комель выбрал оружие. Тот обложил всех раскаленной бранью. Какое оружие, так их всех да перетак, через пень да об корягу! Он эту щуплую сучку задавит голыми руками! А прежде чем задавить, поймееет на глазах у всех, чтоб неповадно было потешаться над лесными порядками!..

– Только не говори, что малышка дралась с тем двуногим быком! – не выдержал Кринаш.

– Дралась? – почесал в затылке Бурьян. – Я бы это дракой не назвал – а, Горластый?

Второй разбойник хмуро кивнул.

– Какая же это драка? – развел Бурьян руками. – Она ему в первый же миг пальцами выбила глаза. А во второй миг перебила горло ребром ладони. Он еще на земле хрипел и корчился, а она от него отвернулась и вежливо спрашивает: «Кого еще я должна убить?»

Кринаш невольно глянул в сторону хлева, на пороге которого хрупкая гостья почесывала козу между рогами.

Бурьян меж тем рассказывал, как здоровенный пират по кличке Сом объявил: он не станет подчиняться бабе! Бабье дело – ублажать мужика и ни в чем ему не перечить. А если мелкая дрянь исхитрилась убить лесного молодца на позор всему бродяжьему народу, то такую девку надобно немедля истребить, чем он, Сом, сейчас и займется. Да чтоб не голыми руками драться, а двуручными мечами. Он желает поглядеть, сумеет ли тощая иноземная паскуда хотя бы поднять настоящее мужское оружие! (Пираты, знавшие Сому, уверяют, что это была самая длинная речь, произнесенная их приятелем за всю его жизнь.)

Ксуури учтиво напомнила, что вызов бросает Сом, поэтому выбор оружия принадлежит ей. Но она не хочет спорить из-за пустяка. Мечи так мечи.

Общими усилиями были найдены две жуткого вида двуручные оглобли. Парни принялись биться об заклад: поднимет или не поднимет? Речь, конечно, шла не о Соме.

К удивлению разбойников, Уанай подняла меч. И даже приняла защитную стойку, хотя видно было, что чудеса ловкости в обращении с клинком она показывать не станет.

А Сом легко вскинул грозное оружие, играючи завертел над головой.

Уанай ахнула и с уважением спросила:

«Как ты можешь его держать? Ведь рукоять раскалена добела!»

Тут Сом взвыл и выронил меч. А коварная чужеземка не стала терять времени. Чтоб зарубить безоружного, особого умения не надо... Но что интересно: рукоять меча (Бурьян сам трогал!) оказалась холодной. А ладони покойного Сомы были жестоко обожжены – все парни видели, вот Горластый может подтвердить...

Дружок Бурьяна ничего подтвердить не успел. Уанай, которой надоело изучать силуранскую домашнюю скотину, вернулась к настороженному Кринашу, на ходу отряхивая маленькие узкие ладони.

– До сих пор я видела коз только на рисунках, – виновато объяснила она. – Впрочем, мы побеспокоили почтенного Кринаша по делу, и он прозорливо угадал это дело. Впереди суровая зима, а лесной шалаш – не самое приятное место в морозы.

Она тронула руку хозяина и ласково, просительно заглянула ему в глаза.

Кринаш оказался во власти нового для себя чувства. Вот перед ним стоит самый близкий, самый родной человек. Давно пропавшая родственница, которую он всю жизнь разыскивал. И вот она нашлась! Надо вести ее в дом, ставить на стол лучшее вино, резать кур... хорошенько угостить дорогую гостью и этих славных парней, ее друзей...

Кринаш тряхнул головой и очнулся. Он что, спятил? Какие, к Хозяйке Зла, родичи? Есть Дагерта и малыши, а больше никого не было, нет и не будет! Родичи, ха! Родичи – это папаша, который забыл мальчишке имя дать. И мамаша, которая подбросила его чужим людям и смылась неведомо куда...

Кринаш Шипастый Шлем, человек без родни, твердо взглянул в умильные голубые глаза:

– Ты это брось, крошка, здесь тебе не Ксуранг! Атаманишь у этих волков блохастых? Поздравляю. Но на моем дворе хозяйничать не будешь.

Гладкое лицо Уанаи не дрогнуло, только зрачки чуть расширились.

– Ты очень сильный человек, – уважительно прощепетала ксуури. – Если захочешь выгнать нас, мы уйдем без спора. Но неужели нельзя хотя бы переждать ненастье?

Хозяин ненадолго задумался. Хвата он вышвырнул бы за ворота в любую погоду. Но выгнать под дождь женщину... или девчонку – кто их разберет, этих ксуури...

– Ладно, – решил Кринаш. – Можете даже заночевать, если до вечера погода не уймется. Яснопонятно, за плату. И оружие – в сарай. Согласны?

– Конечно! – ответила за всех маленькая атаманша.

– Тогда – лаини слау, тали! – Кринаш широким жестом указал на дом и с удовольствием увидел, как расширились глаза Уанаи.

– Ты знаешь язык ксуури?

– Несколько слов. Нахвтался, когда сопровождал ваше посольство в Джангаш. А вот чего не понимаю: вы же носите длинные волосы, даже у мужчин косы до пояса. А у тебя...

Гостья подняла руки к своим коротко остриженным снежным волосам.

– Я оставила их там же, где имя, – прощепетала она любезно. – Мне приказали остричь волосы, когда изгоняли из страны.

«Еще загадка! – подумал Кринаш. – Ксуранг далеко. Пока она сюда добиралась, волосы должны бы отрасли. Подстригает сама? Медленно растут? Или она перенеслась в наши края каким-то чудом?»

– Эй! – окликнул он идущую к дому ксуури. – За что тебя изгнали-то?

Та не услышала. Или не пожелала ответить.

– За многочисленные преступления, – хором сказали за его спиной два мужских голоса.

– Что? – обернулся Кринаш.

– За многочисленные преступления, – повторил Бурьян. – Она всегда так отвечает. Ох, чует мое сердце, вспомним мы еще добром Хвата, хоть он и сволочь!

* * *

С птичьего полета видно было, как сузилась Тагизарна, как белой шапкой взбивается пена вокруг хищных темных валунов. Пенные Клыки!

Распахнув широкие крылья, Вастер вцепилась взором в корабль. Если б взглядом можно было потопить проклятое судно!..

Нет! Не дрогнула рука у толстого капитана, который сам стоял у руля. И тролли не высыпали на берег, швыряя в корабль громадные камни!

Ах, чтоб его Серая Старуха в щепки разнесла! Прошел! Проскочил!

Впрочем... почему так тревожно засуетились матросы?

Птица снизилась. Теперь до нее долетали обрывки голосов:

– Зацепило все-таки!

– Сильно хлещет?

– До пристани продержимся!..

До пристани?.. Птица взмыла выше. Вот речная излучина, а за ней – обнесенный частоколом постоянный двор. И дощатая пристань. Значит, корабль причалит здесь?

Тогда именно здесь Вастер встретит своего врага!

* * *

Разнося миски с кашей и жареной рыбой, Дагерта настороженно поглядывала на гостей. Ой, не вышло бы потасовки! Чего еще ожидать, когда нос к носу сходятся лесные волки и сторожевые псы?

Вот они – сидят, искоса поглядывают друг на друга. Справа – двое стражников из Замка Трех Ручьев. Добротная одежда, черно-синие перевязи на груди: люди Спрута. Один широкоплечий, высокий, лицо утонуло в курчавой бороде. У того, что пониже, круглая смешливая физиономия и выпирающий над поясом кругленький животик.

Слева молча склонились над мисками Бурьян и Горластый. Рядом – эта белобрысая, их новая атаманша. С первого взгляда можно принять за девчушку, но Дагерту не проведешь: баба, да еще и хищница!

А между ними уплетают кашу певец Арби и бедно одетый паренек, у которого еще надо выпросить, кто он такой и куда путь держит...

– Слышь, приятель, – окликнул певца высокий стражник, – ты сюда пришел от верховий или со стороны Джангаша?

– Из столицы, – охотно откликнулся Арби. – Не слышали снизу по течению отголоски рыданий? Это плачет покинутый мною Джангаш!

– Снизу, да? А не встречал по пути такого человека: лет сорока, сутулый, тощий, одноглазый, бороденка с проседью, одет в жуткую рвань? Мы беглого ищем.

– Вообще-то встречал как раз такого, – возвел поэт глаза к потолку. – Ну точь-в-точь! Только одежда справная, суконная.

– Может, снял с кого, – подался вперед стражник. – Где ты его видел? Давно?

– Пожалуй, и не такой уж сутулый, – продолжал рассуждать Арби. – И не на сорок выглядит, а помоложе. Тощий? Навряд ли, брюшко как у твоего приятеля... и бороды не было... верно-верно, гладкий двойной подбородок, так что насчет проседи ничего не скажу.

– Да что ты нам голову морочишь... – начал наливаясь гневом стражник.

– Не сердись! – примирительно поднял ладонь Арби. – Ты же сказал: одноглазый! Вот я и подумал... Хотя постой-ка, пожалуй, у того были два глаза... Зато помню совершенно точно – и тут ты меня не собьешь! – он назвал себя здешним мельником.

Не успели стражники огрызнуться на явное издевательство, как вмешался Бурьян:

– Одноглазый, говоришь? Тощий? Борода с проседью? Припомни, Горластый: не с ним ли мы вчера повстречались?

– Похоже на то, – серьезно кивнул Горластый. – Я бороду не разглядывал – есть там проседь, нет ли. А так все сходится.

Забыв про шутника-певца, оба стражника насторожились, как псы, учуявшие след.

– Вчера? И где вы его видели?

– Да здесь, выше по реке, – услужливо объяснил Бурьян. – Он ехал верхом на драконе и играл на свирели. Просил передать, чтоб вы его не искали. У вас, мол, в замке такая тоска беспрсветная, что крысы-мыши-пауки уже разбежались, теперь и людям пора врассыпную.

Низенький стражник рванулся к обидчику, но товарищ удержал его за плечо и сказал ядовито:

– Тоска, да? Верно, у вас повеселее живется! Вон какую кралю чужеземную себе раздобыли! Небось из кожи лезет, чтоб вас распотешить!

К разочарованию стражников, их недруги невозмутимо продолжали уплетать рыбу. Мол, ксуури сама за себя постоит!

Ободренный их молчанием, толстый стражник поднялся со скамьи, подошел ближе к Уанаи, оперся на столешницу возле самого ее локтя:

– Много люди болтают про дальние страны. Вроде в Ксуранге и люди не как люди, и бабы не по-нашему устроены...

Женщина даже не смотрела в сторону обидчика, розовым кошачьим язычком слизывая с ложки кашу.

– В Ксуранге небось и детей клепают не по-людски. – Стражник расплылся в гнусной ухмылке. – А я б не отказался поиметь тебя по-вашему, по-чужеземному. Может, договоримся? Я заплатить могу. Интересно же!

Будь на месте Уанаи другая женщина, Дагерта осадил бы наглеца. Но белобрысая ксуури вызывала у хозяйки неприязнь. К тому же она, как и Бурьян с Горластым, считала: раз баба сунулась в мужские игры, так нечего ей пищать и прятаться за чужие спины.

Атаманша и не пыталась пищать и прятаться. Не спеша отставила миску, спокойно взглянула в наглую рожу стражника и любезно прощепетала:

– Это хорошая мысль. Нет-нет, платить не нужно: я и сама скучаю по старым добрым обычаям моей родины.

Стражник поперхнулся, но взял себя в руки и продолжил напористо:

– Так, может, на сеновале, а?

– Сеновал – место не хуже прочих, – так же ровно и вежливо прожурчала ксуури.

Вот тут бы Дагерте и вмешаться: сказать, что ее дом – не бордель, что нечего на ее сеновале собачьи свадьбы играть. Но помешало неясное ощущение: что-то здесь не так!

То же почувствовал и стражник. Он с подозрением уставился в безмятежное личико ксуури: мол, в чем подвох-то? И сказал с напускной развязностью:

– Так пошли, что ли?

– Прямо сейчас? – почтительно удивилась чужестранка. – Мой господин даже не хочет поговорить с другом или сделать какие-нибудь распоряжения?

Тревога с новой силой всколыхнулась в душе толстяка.

– Распоряжения? Какие, к Серой Старухе, распоряжения?

– Ну, как же! – потупила взор Уанаи. – Господин хотел ознакомиться с обычаями Ксуранга? А если делать все по древним традициям, мужчина, как правило, не выживает.

И вскинула глаза на стражника.

Что увидел толстяк на дне этих льдистых очей? Почему отшатнулся, побелел? Не сказав ни слова, он сел, взял ложку и начал старательно выскребать из миски остатки каши.

Всех вокруг пробрал невольный холодок. Всех – кроме бродячего певца Арби. Он, не отводящий глаз от лица Уанаи, приметил, как блеснули ее глаза, и подумал, что с чувством юмора у этих ксуури все в порядке.

Кринаш, стоявший на пороге, решил перевести разговор в другое русло:

– Так ты из Джангаша, Арби? – спросил он, входя и хозяйским глазом окидывая трапезную. – Что там нового, в столице?

– В столице, – торжественно ответил певец, – раскрыт коварный заговор!

Слова эти не потрясли никого. Кринаш весело хмыкнул:

– Опять? И кто на этот раз... заговаривается?

– Все та же Стая. Никак им не надоест. Несколько высокородных господ заперты в Замке Темного Ветра, а Шадхар Северный Дуб из Клана Вепря объявлен изменником, лишенным честного погребального костра...

– Ой уж! – протянула Дагерта из кухни. – Чтоб с Сыном Клана обошлись, как с поганым самозванцем? Да будь этот Шадхар хоть трижды заговорщиком...

– А что такое Стая? – раздался из-под стола требовательный голос.

Дагерта, гремя на кухне мисками, не расслышала вопроса сынишки. Кринаш как раз подошел к оконцу и глядел на огород, где Верзила по черным голым грядкам волок за рога упирающуюся козу Злыдню. Поэтому мальчишке ответил певец Арби. Вытащив Нурнаша из-под стола и посадив рядом с собой на скамью, он серьезно начал:

– Стая – это друзья принца Нуренаджи. Тебе рассказывали, как принцы Тореол и Нуренаджи тягались за престол? Двоюродные братья...

– Знаю, – гордо сказал мальчик. – Клан Орла и Клан Вепря.

– А когда принц Нуренаджи был мальчишкой, у него были друзья, подростки из Кланов. Они играли, будто они – стая, а он – их вожак. Подросли – стали поддерживать своего вожака в борьбе за трон.

Из кухни выглянула Дагерта и залюбовалась сынишкой, который слушал внимательно, как взрослый.

– Среди них был даже маг – Верджит из Клана Лебедя. Опасный чародей, хоть и молодой. Говорят, это он наслал колдовской сон на великого воина Керутана...

Голос рассказчика стал глухим, зловещим. Нурнаш притих в предвкушении чего-то захватывающего. Он слышал о заговоре Шадхара, но одно дело – обрывки взрослых разговоров, а совсем другое – история, похожая на сказку.

– Сотник Керутан Разбитый Щит по прозвищу Гроза Нежити очистил окрестности Джангаша от тварей из-за Грани. Зимой буду петь о его подвигах. Принца Тореола он учил владеть оружием и любил, словно младшего брата. Когда Керутана прямо во дворце объял непробудный сон, все шептались: «Стая, Верджит...» Но доказать никто ничего не мог.

– А что стало с Керутаном?

– Сотника так и не сумели разбудить и решили отвезти в замок, где прошло его детство, надеясь, что в родных краях с него спадут чары. По пути героя похитила влюбленная чародейка из Подгорного Мира и унесла к себе за Грань.

– Ух ты! А Шадхар – это кто?

– Он стоял за мальчишками из Стаи и незримо направлял их. Когда после необычайных событий, достойных быть воспетыми в балладах, Нуренаджи погиб, а Тореол пришел к власти, уцелевшие члены Стаи переметнулись к новому королю.

– А Верджит? – сжал кулаки мальчишка.

– Проиграл магический поединок с грайанской чародейкой – и потерял рассудок.

– Так ему и надо! А Шадхар?

– Тогда он вывернулся. Но не бросил плести интриги – и вот попался на горячем. Его ищут по всей стране.

– А! – догадался Нурнаш. Спрыгнул со скамейки, подошел к стражникам, встал перед ними, уперевав кулачки в бок. – Вы ловите Шадхара? Одноглазого, тощего, сутулого?

Тут расхохотались не только стражники, но и все, кто был в трапезной. Дагерта взяла разобиженного сынишку за руку и утащила на кухню, там в два счета утешила его куском лепешки с медом. А Кринаш решил воспользоваться забавным случаем и кое-что выяснить.

– А кто знает, – преувеличенно грозно сказал он, – вдруг Шадхар и впрямь среди нас сидит? Вот, скажем, мы ж ничего не знаем про этого господина...

Светловолосый веснушчатый юнец лет восемнадцати под общими взглядами отчаянно смутился, даже уши стали пунцовыми.

– Я... я не Шадхар!

Снова грохнул общий смех.

– Мы догадались, – снисходительно объяснил хозяин. – Во время воцарения Тореола моему господину сколько было – шестнадцать лет, пятнадцать? Просто хотелось бы знать, кого в своем доме принимаю.

– Плохая примета – в дороге имя называть, – обиженно сообщил юноша. – А вообще-то я – бродячий лекарь!

– Вот как! – изобразил радостное удивление Кринаш, который не поверил гостю (молод для лекаря!). – Тогда господин может не платить за обед. Вечерком потолкуем о моей больной спине...

Заявление Кринаша вогнало гостя в панику.

– Я... не совсем лекарь... я по домашним животным... да, по скотине всякой!

– Ой, хорошо-то как! – поддержала хозяйка игру мужа. – У нас коза что-то ест плохо. И злющая стала – не подойти. Надо бы ее поглядеть!

Загнанный в угол юнец обреченно кивнул. Кринаш наблюдал за его агонией без жалости. Имя не назвать – это право гостя, но вот врать о себе...

Хлопнула дверь. Верзила сообщил с порога:

– Господин, сверху по реке идет «Летающий»!

* * *

– Но было же обещано, что мы не станем здесь задерживаться! Только причалим, узнаем, нет ли кого до Джангаша!

Бледный лысоватый человечек волновался, суетился, бросал несчастные взгляды то на невозмутимого капитана, то на Кринаша, то на худошавую высокую девушку, молча стоящую рядом с ним на пристани.

– Что ж поделать! – развел руками капитан. – С Пенными Клыками поцеловались. Вот разгрузим трюм, чтоб осадку уменьшить, залатаем дыру, отчерпаем воду, снова погрузимся...

– Когда? – нервно перебил человечек. – Когда снова в путь?

– А завтра к полудню и отчалим, – безмятежно отозвался капитан.

– Завтра?! – задохнулся человечек. – Но это же... это невозможно!..

В разговор вмешалась девица – врезалась, как наррабанская конница на полном скаку:

– Невозможно? О чем ты говоришь, отец? Очень даже возможно – если капитану заплачено, чтобы он задержал нас в пути! И нечего таращить на меня глаза! Я не первый день как на свет родилась, меня не проведешь!

Кринаш чуть поморщился. Девица не вопила, не драла горло, но ее пронзительный от природы голос звоном наполнял воздух, болью отдавался в голове, вызывал желание заткнуть уши ладонями.

Капитан не обиделся. Похоже, привык за время путешествия.

– От крика пробоина не заделается, – ответил он. – Нравится не нравится, а ночуем тут.

– В этом клоповнике? – прибавила металла в голосе девица. – В этой грязной дыре?

За плечом Кринаша шумно вздохнула Дагерта. Хозяин тоже обиделся: заезжая нахалка даже не зашла в дом, не поглядела, что да как, а сразу принялась хаять... Однако сдержался: гостя устала с дороги, нервничает. Видно, спешит куда-то, а тут задержка в пути.

– Деточка, деточка, – заискивающе засуетился отец, – не волнуйся, пожалей себя! Мы успеем, вот увидишь, успеем! Ступай в дом, покушай...

– Отстань! Лучше прикажи капитану, чтоб поторопил своих бездельников.

Гордо вздернув востренький носик, девица процокала каблучками по доскам. Отец поспешил за ней, на ходу учтиво попросив:

– Хозяин, наши вещи бы на берег снести...

За ними к дому прошел третий пассажир: сутулый, жилистый мужчина лет тридцати, в синем суконном плаще. Кринаш почти не обратил на него внимания, занятый мыслями о капризной гостье. Вот чума! Яснопонятно, устроит она им здесь танцы!

* * *

Вастер стояла, прижавшись к стволу высокой сосны, и жадно глядела на калитку, за которой скрылся ее враг.

Вроде рядом, а не войдешь! Не потому, что негодяй может ее узнать: Вастер хитра, змеєю проползет, лисою проскользнет. Но до замка дошел слух: у Кринаша, мол, ограда заколдованная: ни Подгорной Твари не пройти, ни упырю, ни лесовику, ни оборотню.

Впрочем, она-то не упырь и не лесовик! Правда, бусина помогает принять чужой облик – так то бусина! Сама Вастер не оборотень. А про колдовство служанка не упоминала.

Заморосил дождь. Двор опустел. Если б не псина, можно бы проскользнуть за калитку, пока хозяева не задвинули изнутри засов!

На крыльцо, кутаясь в старый платок, выглянула девчушка. Уныло побрела через двор к калитке, таща деревянное ведро.

Вастер решила рискнуть. Кончиками пальцев коснулась бусины, не отрывая взгляда от девчонки. Торчащие косички вразлет, большой рот, светлые, недоуменно вздернутые брови. Хорошо, что ростом девчонка ненамного ниже Вастер. И просто замечательно, что чары, скрытые в бусине, изменяют не только тело, но и одежду...

Пес из будки проводил ленивым взглядом Недотепку, которая почему-то вернулась от реки очень быстро и без ведра. Встрепенулся, учуяв чужой запах. В горле зародилось тихое рычание. Но привычный вид Недотепки сбил пса с толку. Он помешкал с лаем. Девочка обогнула дом, скрылась за углом.

И почти сразу калитка открылась вновь. Вошла Недотепка. С ведром. Поставила его наземь, принялась возиться с засовом.

Озадаченный пес вылез из будки, разразился хриплым лаем.

На шум вышла Дагерта:

– На своих лаешь, дурень лохматый? Недотепку не признал? Вот я тебя метлой!

Пес обиженно вернулся в конуру, предоставив хозяевам самим заниматься своими непонятными делами.

* * *

На постоянный двор судьба приводит разных людей – грустных и веселых, тихих и шумных, кротких и раздражительных. Кое-кого Кринаш охотно выкинул бы за ворота. Случалось, и вышвыривал...

Но Рурита Танцующий Мотылек из Рода Унхашар ухитрилась выделиться в длинной череде постояльцев и оставила о себе память, поистине неизгладимую. Режущим слух голосом она без стеснения бранила все, что попадалось на глаза: двор, дом, отвратительные рожи толпящихся в трапезной мужланов, стряпню Дагерты – заранее, по запаху. (Позже она эту стряпню уплетала за обе щеки, но доброго слова все равно не сказала.)

Когда Рурите показалось, что Верзила недостаточно бережно поставил на пол дорожную сумку, она развопилась так, словно он этой сумкой с размаху дал ей по голове. Кричала, что непочтительный раб швырнул ее вещи, словно мешок с мусором! И если хозяин – как там

его зовут? – не выпорот мерзавца самым беспощадным образом, значит, в этом сомнительном заведении никогда не принимали благородных постояльцев и не знают, как с ними обращаться!

Хозяин – как там его зовут? – заверил близкую к истерике девицу, что мерзавца он накажет, всю шкуру полосками спустит. Только позже: сейчас дел невоворот, а как освободится, так сразу... А Верзиле он шепнул: «Уйди из-под обстрела!»

А когда Арби, искренне желая успокоить и отвлечь девушку, провел рукой по струнам и попытался запеть... вот тут-то и грянула настоящая, полновесная истерика, по сравнению с которой все предыдущие капризы были просто детским лепетом.

Ах, вот как! Над ней издеваются? Мало ей этого кошмарного дома, пропитанного чадом подгоревшей жратвы... этих ужасных, ужасных людей вокруг... этой наглой прислуги... мало того, что жизнь вот-вот пойдет под откос... так еще брэнчать будут над ухом! Прямо по нервам! Весело им, да? Весело? Ну, пусть поют! И пляшут! Вот умрет она здесь, на грязной лавке, под их музыку... И не надо тыкать ей в лицо эту дурацкую кружку с водой! Она сейчас умрет, она хочет умереть, а они все пускай выплясывают вокруг ее костра!..

Что бы ни думала Дагерта насчет погребального костра для знатной гостии, она оставила эти мысли при себе и предложила барышне подняться наверх и отдохнуть.

– Деточка, успокойся, – семенил отец за красной, растрепанной дочерью. – Деточка, не плачь, подумай о своем здоровье, пожалей папу, радость моя...

– Это ж надо, – задумчиво сказал Арби, глядя ей вслед, – какая прихоть природы! У зайчика родилась дикая кошка.

– Причем бешеная, – мстительно уточнил Верзила.

– Секли ее в детстве мало, – поставил диагноз Бурьян. И оба стражника – «мужланы с отвратительными рожами» – охотно согласились с разбойником.

– Барышня всю дорогу так?.. Или только нам решила удовольствие доставить? – обернулась Дагерта к гостю в синем плаще.

– Всю дорогу, – вздохнул тот. – Мы под конец готовы были за борт прыгать.

– И достанется кому-то такая жена! – посочувствовал неведомому бедолаге Кринаш.

– От такой жены на костер запросишься, – угрюмо согласился безымянный юнец.

Зря он подал голос. Дагерте надо было на ком-то сорвать досаду. Она вцепилась в парнишку, как ястреб в цыпленка:

– Ох, чуть не забыла! Ну и хозяйка! Коза-то, козочка моя, страдалица бедная! Господин обещал поглядеть, что с ней!

Парень позеленел, но покорно дал выволочь себя за локоть из трапезной. Кринаш не заступился. Врат в дороге – скверная примета. Вот она сейчас и сбудется...

Сверху донесся пронзительный женский вопль, грохнуло что-то тяжелое. Все разом глянули в потолок.

– Подался б я отсюда, – угрюмо сказал бородатый стражник, – да неохота мокнуть. Эй, парень... ты, с лютней, тебе говорю! У двери сидишь – глянь-ка, дождь не кончился?

Арби выглянул на крыльцо, вернулся, затворил дверь и ответил:

– Дождь нудный и затяжной, как мое безденежье. А все-таки скучно торчать под крышей. Да еще и спеть нельзя! – Он устремил умильный взгляд на Уанаи, которая чинно сложила руки на коленях и тихонько наблюдала за происходящим вокруг. – Я видел на том конце двора, под навесом, уютную скамеечку. Оттуда должен открываться вид на реку. Если барышня согласится вдвоем со мной полюбоваться красотой осени, я смогу рассказать много интересного. Побродил и по Силурану, и по Грайану, и по Гурлиану...

Кринаш хотел уточнить, что со скамьи открывается вид не на Тагизарну, а на изгородь и на стену хлева. Но не стал вмешиваться. Какая разница! На хитрой роже парня написано: о чем бы он ни начал рассказывать чужеземной красотке – все равно сведет на любовь.

Уанаи, раздумывая, склонила изящную головку:

– Господин хочет поделиться со мной своей мудростью? Ради этого стоит уйти от уютного очага и дышать сыростью... но только при условии, что речь пойдет о любви.

Физиономия певца из лукавой стала растерянной. Кринаш удивленно свел брови. Бородастый стражник поперхнулся вином.

– Из всех странностей вашей жизни, – скромно пояснила Уанаи, – непостижимее всего кажется мне любовь. Все, что я о ней слышала, так туманно и противоречиво! Все знают, что это такое, но никто не может объяснить! Один умный человек сказал мне, что о любви лучше всех говорят поэты, певцы и сказители. И что, возможно, они ее и выдумали.

– Охотно! – расцвел Арби. – Я готов говорить и петь о любви без усталы, как ветер не устает шептаться с листвою, как кровь не устает петь в жилах! Расстелю перед тобой песню, словно ковер: иди по ней своими маленькими ножками!

Он услужливо распахнул перед ней дверь... и еле успел отскочить в сторону.

Под ноги ему кубарем покатилося юный постоялец – глаза дикие, одежда в беспорядке. Вскочил, промчался через трапезную, взлетел по лестнице.

А за дверью шумела Дагерта:

– Уймись, Злыдня! Кому сказано, уймись! А вот метлою получишь, дрянь рогатая! Пошла отсюда! Пошла!

По трапезной пронесся хохот. Певец, ухмыляясь, выглянул на крыльцо.

– Можно! – сообщил он Уанаи. – Свиное чудовище с боем оттеснено в хлев.

Уанаи вышла из трапезной и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Косоглазый разбойник хотел сказать что-то ехидное, но промолчал, взглянув на лестницу: по ступенькам спускался отец Руриты.

– Моя девочка, хвала богам, задремала. Налей мне вина, хозяин. Мы там у тебя зеркальце нечаянно разбили, так не беспокойся, мы заплатим.

– «Мы разбили...» – хмыкнул Кринаш. – Ох, мне б такое терпение, как у господина!

Человечек смутился:

– Она хорошая девочка... просто у нее ранимая душа, тонкая натура. И еще... сейчас решается ее судьба, вся жизнь может оказаться сломанной!

* * *

Жамис Медовая Лепешка говорил правду. В эти дни действительно решалась судьба «ранимой деточки». И отец извелся, не зная, чем помочь любимой дочери.

Собственно, изводился он с того черного дня, когда умерла жена, оставив у него на руках пятилетнюю Руриту. С тех пор вся жизнь его была – для девочки. Без остатка.

Избаловал? Ну, не без того... Сам виноват, что у девочки нелегкий характер.

Хотя какой там ребенок! Дочку замуж пора выдавать. А за кого? Да будь она самой кроткой, нежной и тихой на свете – где в маленьком Шаугосе найдешь хорошего жениха?

Жамис был лавочником. Товары получал по реке от торговца Авиурши из Рода Зиннифер. Сам торговал в небольшой лавочке. Выручки кое-как хватало на сносную жизнь... но приданое? Да в округе почти и не было неженатых Сыновей Рода. Неужели свою лапушку в какое-нибудь Семейство отдавать? (А в глубине души унижительная мыслишка: возьмут ли ее в Семейство? Без денег, зато с тонкой, ранимой душой, от которой с утра до вечера в доме крик, визг и битая посуда?)

И вдруг все изменилось. Разом и резко.

Приказчик Авиурши вместе с товарами привез письмо. У Жамиса тряслись руки, когда он это письмо читал.

Конечно, он знал, что есть у них в Джангаше богатая родня... ну, не у него, у жены-покойницы. Да какая разница, если эти родственнички не хотят видеть их с Руритой!

А тут новость: умер старый Оммурад-стеклодув. Так и звали его «стеклодувом», хотя уже лет пятьдесят как не работал он сам в мастерских, только присматривал за делами. Цветное стекло его обогатило – не хуже наррабанского, а куда дешевле!

Прямых наследников у старого богача не было, со столичными племянниками он разругался. Взял да и вспомнил на смертном ложе о правнучке из далекого Шаугоса, да будет за это милостива к нему Бездна.

Все – Рурите! И обе стекольные мастерские, и дом в Джангаше, и землю южнее столицы, и рабов, и деньги, и драгоценности, что остались от жены Оммурата!

Это бы великолепно и расчудесно, однако вредный старик оговорил два условия.

Во-первых, заявил, что мастерские нельзя долго оставлять без хозяйского глаза. Пусть правнучка изволит принять наследство не позднее чем через месяц после кончины Оммурата. А если опоздает хоть на один-единственный денек, то ей, дурехе нерасторопной, наследство оставлять незачем. Пусть тогда племяннички забирают добро ко всем демонам.

Это бы ничего, это не страшно, в месяце сорок дней, можно трижды съездить в столицу и обратно. А вот как быть со вторым условием? Богач ни на медяк не доверял женскому уму. Считал, что не родилась на свет баба, которая видит дальше кухонного котла. А потому правнучку допустить к управлению мастерскими не намеревался. Только ее мужа! Причем чтоб был он Сыном Рода, не ниже. Нечего позорить кровь старого Оммурата!

Вот так. Успеть к сроку в столицу, да еще и мужа при себе иметь! А где его взять, мужа-то, об этом Оммурад не подумал?

Жамис так разволновался, что не сразу заметил еще один листок, приложенный к письму. Небольшая такая записочка от торговца Авиурши. Поздравительная. Мол, рады вашему счастью, весь Джангаш о нем знает. А если, мол, ваша девочка еще не замужем, так имейте в виду: у нас сын не женат, Авигир Чистый Ручей. Можем, если хотите, все для свадьбы подготовить. Чтоб, стало быть, с корабля – и под венец, не теряя времени...

Приказчик не задержался – сгрузил товары и уплыл назад, увозя с собой письмо Жамиса. Вежливое письмо, длинное, обстоятельное... но его мог бы заменить клочок бумаги с одним словом: «ДА!!!»

Рурита – редкий случай – была согласна с отцом. Покричала, правда, что Род Зиннифер ее совсем не уважает. Могли бы написать хоть пару слов про этого Авигира – может, он кривой, хромой или горбатый? Но это она так, по привычке...

Дочь и отец решили не тянуть с отплытием. Позволили себе задержаться лишь на пару дней – собрать вещи да пришить на старые платья новые ленты, чтоб не совсем нищенкой выглядеть наследнице старого Оммурата.

Но Серая Старуха за два дня может такое устроить!..

Какая-то сволочь сообщила Хранителю Шаугоса, что в городе якобы скрывается заговорщик Шадхар. Вздор, конечно. Что ему делать в городишке, где каждый приезжий на виду? Но Хранитель обрадовался случаю выказать бдительность и рвение: приказал, чтоб никто не смел покидать города.

Пока стражники прочесывали подвалы, чердаки, амбары и конюшни, хватая всех бродяг (откуда стражникам знать, как выглядит Шадхар?), несчастный Жамис потерял покой и сон. День за днем кланчил он у Хранителя разрешение на выезд из города – и ни с чем возвращался в комнатку за лавкой, где бедняжка Рурита валялась на полу, била ногами по половицам и во весь голос выла о заговоре столичных дядюшек, которые хотят перехватить наследство, и об эгоисте-папаше, который ничего не делает, чтобы ей помочь.

Другой бы на месте Жамиса рехнулся и убил кого-нибудь – возможно, любимую доченьку. Но маленький героический лавочник из Шаугоса был закален годами житейских тягот. Всю жизнь он следовал правилу: «Стисни зубы и держись!» И продолжал применять его даже тогда, когда зубов почти не осталось.

В конце концов Хранитель то ли убедился, что заговорщика в городе нет, то ли надоело ему играть в неусыпного стража. Кораблям дозволено было покинуть Шаугос – и на первом из них отплыли папа с дочкой. Времени оставалось всего ничего: прибыть в столицу, быстренько обвенчаться, а на следующий день получить наследство.

А теперь, выходит, свадьба и наследство – в один день. Если, храни Безымянные, в пути больше ничего не задержит!

* * *

Жамис коротко, но выразительно объяснил хозяину ситуацию. Кринаш и все гости, слушавшие рассказ, согласились, что дела и впрямь невеселые.

Дождь тем временем зарядил основательнее. Стало скучно. У хозяина нашлась коробка для игры в «радугу». Стражники и разбойники, забыв на время о вражде, принялись увлеченно бросать костяные пластинки с рисунками. Играли на медяки: крупных денег ни у кого не было, к тому же предусмотрительный Кринаш потребовал, чтобы игроки заплатили вперед за постой и ужин.

– А ты, приятель? – обернулся бородатый стражник к незнакомцу в синем плаще, одинокое сидевшему в углу. Тот с улыбкой качнул головой – мол, спасибо, не хочу.

Кринаш, спохватившись, подошел к забытому в суматохе гостю.

– Пусть господин простит меня! Угодно ли что-нибудь?

– Ничего не надо. Посижу у огня да и спать пойду.

– Не могу припомнить: господин раньше здесь останавливался? Лицо знакомое...

– Нет. Я ни разу здесь не был. Меня зовут Эйнес Надежная Ограда из Семейства Шухлек. Я почти всю жизнь провел в Замке Серого Утеса – не приходилось слышать?

Кринаш мотнул головой.

– Он принадлежит одному из Соколов. Красивые места. Глухомань, но красивые. – Бледное, худое лицо гостя с впалыми щеками и залысинами над высоким лбом оживилось, тонкие губы тронула нежная улыбка. – Пахотной земли мало, зато прекрасная охота и два рыбных озера. Мой отец был в замке шайвигаром, а потом я его сменил... – Мечтательное выражение исчезло из серых глаз Эйнеса, он замкнулся и скороговоркой закончил: – Но это в прошлом, а сейчас я направляюсь в Джангаш.

Хозяин понял, что беседа окончена, и пошел выяснять, что загремело на кухне. (Оказалось, ничего страшного: Недотепка обрушила со стола металлическое блюдо.)

Но заноза осталась: еще одна загадка! Этот человек был шайвигаром? Но Левая Рука – должность высокая, на шайвигаре все хозяйство держится. С такого места по доброй воле не уходят. За что же выгнали Эйнеса? Проворовался? Спился? Лицо осунувшееся, отрешенное, словно человек перенес тяжелую болезнь...

Темнело. Вернулся невеселый Жамис, который под дождем бегал на пристань узнать, как дела на «Летящем». Передал Кринашу просьбу капитана – прислать на корабль ужин. Оказалось, есть и вторая пробоина, небольшая, но «хитрая», не сразу доберешься. Еще капитан передал, что он с матросами будет ночевать на сеновале: так дешевле... Кринаш плюнул, высказался насчет мелочных скупердяев, позорящих честное сословие речных капитанов, и велел жене подавать ужин. А Верзилу послал на берег с кувшином вина, котелком каши с мясом и глиняной миской, полной горячих лепешек.

Ужинали гости невесело: действовало затяжное ненастье. Правда, все немного оживились, когда вернулись Арби и Уанаи.

Певец отнюдь не выглядел счастливым или хотя бы довольным. Он негромко извинился перед Кринашем, что не сможет петь (слишком много разевал рот, наглотался холодной сырости!), и устало опустил на край скамьи.

Уанаи без приглашения пристроилась рядом с ним. В глазах ксуури светилось неутоленное любопытство. Хрустальным голоском она продолжала пытаться нового знакомого:

– Все понимаю, кроме одного: зачем? Зачем нужно это помешательство? Ты говоришь: сладчайший дар богов, животворный родник всего сущего. А рассказываешь о мучительном безумии, о душевной неряшливости, об ужасающей несобранности. И кончается это всегда плохо! У всех твоих баллад печальный конец, а ты говоришь: это прекрасно!

Несчастный певец угрюмо глотал кашу, гости втихомолку пересмеивались, а ксуури, не обращая внимания на еду, упорно старалась дотянуться до ускользающего от нее смысла:

– Взять хотя бы балладу про дочь властителя замка! Хорошо, влюбилась она в этого сотника. Допустим, он был лучше всех на свете, хотя и не верится. По-моему, просто тупой эгоист. Да и откуда ей знать, разве она знакома со всеми мужчинами на свете? Ладно, не буду спорить. Встречались они в лесу. «Крапива хлестала ей нежные ноги, а ветви царапали белую грудь...» Не могла, дура, найти для свидания местечка приятнее! Хотя у всех разные вкусы... Но потом, когда он ушел на войну, а она вздыхала в башне и день за днем пыталась «взором дали пронизать»... это уже слабоумие! Она что, с первой попытки не поняла, что ничего с такого расстояния не разглядит? А когда пришла весть о его гибели, она не могла есть и пить, зачихала и умерла. Вот ты мне объясни: с какой целью она все это проделывала?

Кринаш посочувствовал бедняге-певцу и, тронув Уанаи за плечо, сказал, что наверху готова комната. (Конечно, много чести для разбойницы, но все-таки женщина! А Бурьян с Горластым пусть в трапезной дрыхнут, на скамьях!)

– Сейчас! – отмахнулась ксуури и продолжила увлеченно: – Кажется, я поняла! Складывается ясная картина: потеря сна и аппетита, нервное расстройство, помрачение рассудка, зачастую гибель... Это же болезнь! Серьезная! Как еще вы до сих пор не вымерли?

Придя к такому выводу, Уанаи успокоилась, поднялась из-за стола и, учтиво поклонившись хозяину, отправилась наверх.

– Да, – глядя ей вслед, выдохнул Арби. – Болезнь...

И такая тоска была в его негромком голосе, что Дагерта, убиравшая со стола посуду, бросила на парня тревожный, сочувственный взгляд.

* * *

Вечер прошел мирно, если не считать того, что Горластый обругал погоду: мол, денек мерзкий, как рожа стражника. Разбойник брякнул это просто так, не подумав, но чуть не схлопотал по шее от «черно-синих». Вмешался Кринаш, цыкнул на тех и на этих, восстановил мир и посоветовал гостям укладываться спать – темно уже!

Тут как раз вернулись капитан «Летящего» и матросы. Хозяин пошел приглядеть, чтоб они были поаккуратнее с огнем, не спалили ему сеновал.

– Ну, вроде всех разместил! – заявил Кринаш, вернувшись в дом и сняв с плеч наброшенную от дождя рогожку. – И охота капитану на сене валяться! Скупердйай паршивый... До чего ночка ненастная выдалась! Не завидую сегодня бездомным бродягам.

По правде сказать, Кринаш никогда не завидовал бродягам – он, лишь в сорок лет узнавший, что такое собственный дом. И сейчас, устало прикрыв глаза, он впитывал тепло догорающего очага и сонный, мирный уют. Тишину нарушало лишь похрапывание постояльцев в трапезной. Верзила уже ушел в пристройку. Недотепка на кухне прикорнула под старым тулупом – любила тепло, словно котенок.

Хозяева, как всегда, ложились последними.

– Все успокоились? – негромко спросил Кринаш.

– Э тот... ну, козий лекарь... просил принести ему в комнату выпить.

– Так налей ему вина, – досадливо откликнулся хозяин. До сих пор Дагерта не имела привычки цепляться к мужу с мелочами.

– Если б вина! Он хочет «водички из-под кочки». Большой кувшин.

Кринаш опешил. «Водичка из-под кочки», жуткого вкуса и дикой крепости напиток, который мужики гонят из всего, что под руку подвернется... для непривычного человека – верная смерть! Да, они с женой держали в подвале немного этой пакости. Кринаш смеялся: «Мышей морить...» А если серьезно – на случай появления на постоялом дворе забулдыги, для которого уже вино – что вода.

– Кувшин? Он что, тролля в гости ждет? Ладно, зайду к нему, поговорю.

* * *

– Да, я заказал... кувшин... ну и что? Я же за него заплачу! – Мальчишка попытался бесстрашно выдержать взгляд Кринаша, но ему это не удалось. Круглое лицо покраснело, уши налились малиновым цветом. Юнец отвел глаза и нарочито грубо уточнил: – Я, может, хочу надраться вусмерть! В лежку!

Кринаш оценивающе оглядел гостя:

– Кружки за глаза хватит.

А про себя подумал: «Хватит и запаха...»

– Да? – растерялся парнишка. – Я не знал... Конечно, он не знал! Достаточно взглянуть на него: домашний, смирный, по-детски наивный. Котенок, еще не обученный ловить мышей.

Кринаш уселся на скамью рядом с парнишкой:

– Что стряслось? Может, чем помочь могу?

– Мне уже никто не поможет, – угрюмо отозвался тот. И вдруг подался к Кринашу, заговорил быстро, отчаянно: – Видел, что тут творилось сегодня? Весело было, да?

– Ты это про козу?

– Нет, про другую скотину! Про другую тонкую натуру! Тебе-то что, она завтра уплывет, у тебя снова тихо будет. А если каждый день... всю жизнь...

– Так ты и есть жених барышни? – догадался Кринаш.

– Именно. Авибир из Рода Зиннифер. Вот такой я счастливчик, везунчик и удачник.

Юноша потянулся к кувшину. Хозяин отодвинул кувшин подальше и приказал:

– Рассказывай!

А что рассказывать? Кринаш угадал каждое слово еще до того, как парнишка, уставясь в пол, начал изливать душу.

Все угадал! И про богатую семью, которую прочно объединяет воля отца – так обруч не дает рассыпаться бочке. И как давит, гнетет эта воля: не смей делать по-своему, не смей возражать, не смей искорки в глазах зажечь! Голос отца спокоен и негромок. Зачем кричать, если вокруг почтительная тишина?

Авибир мечтал стать наемником, но заикнуться об этом посмел лишь раз. Одного раза ему вполне хватило... Нет, владеть оружием юноша научился, на это отец денег не жалел: такое умение и купцу пригодится. Но как можно оставить родной дом, дело, которым занимались дед и прадед, верную прибыль, что звонким ручейком стекает в потемневший от времени сундук с окованными железом углами!

А тут еще сказочная возможность завладеть наследством Оммурата-стеклодува!

Весь дом тихо радовался (радоваться громко семья давно разучилась). Согласия Авигира никто не спросил. Впрочем, он и не стал бы возражать. Незнакомая девушка, которую везут для него от верховий Тагизарны, – в этом было что-то притягательное для наивного юнца. Это вам не конопатая внучка оружейника, которую отец подумывал заполучить в невестки! Она, должно быть, изящна, нежна и прелестна, эта неведомая Рурита Танцующий Мотылек –

ах, какое восхитительное имя! Как она, должно быть, трепещет, с тревогой рисуя себе образ жениха, которого увидит только на свадьбе! Когда невеста задержалась с приездом, взволнованный отец послал Авигира в сопровождении слуги вниз по реке – узнать, не случилось ли чего. Сыну велено было не забираться дальше постоялого двора Кринаша: туда все слухи сходятся. Если в Шаугосе свирепствует мор или стряслась другая какая беда, Кринаш об этом должен знать.

Когда до постоялого двора было рукой подать, романтическая душа подсказала юноше проделку. Он обменялся со слугой одеждой, отправил своего спутника в деревенский трактир, а сам, скрыв имя, заявился на постоялый двор. Что, если судьба позволит увидеть Руриту до свадьбы? Что, если они понравятся друг другу? Что, если будут всю жизнь вспоминать эту встречу?

Да уж, что сбылось, то сбылось! Авигир не забудет этот день до смерти!

– Она мимо меня прошла, глянула – словно помой выплеснула. И громко так: «Отец, за вещами надо смотреть в оба: здесь ночует всякий сброд!» Плечиком дернула и дальше пошла.

– Да, тонкая натура... А увильнуть от свадьбы нельзя?

Ответное молчание было выразительнее слов.

– Ты в семье единственный сын?

– Нет. Но двое старших женаты.

– Ясно-понятно...

Кринаш призадумался, потирая шрам на лбу. Сколько раз он зарекался вмешиваться в чужие дела! Но разве удержишься, если перед тобой сидит неплохой парнишка и уныло гладит в свою будущую жизнь – скомканную, неудавшуюся, загубленную. Жизнь, в которой он неразрывно связан со злобной, истеричной бабой.

Она спит сейчас за две комнаты отсюда, эта ранимая, глубоко чувствующая натура. А в воздухе словно продолжает звенеть ее пронзительный голос. И чаще всего звучат слова «мерзкий» и «отвратительный»...

Кринаш не выдержал. Со скучающим видом поднял голову и, разглядывая паутину меж потолочных балок, сообщил – не собеседнику, а шустрому паучку:

– Забавную штуку рассказали мне проезжие из Гурлиана. Собирают у них в Аргос-мире корабли для дальнего похода. Слышал легенду о Земле Поющих Водопадов, до которой добрался когда-то Ульгир Серебряный Ручей?

– Да, в Огненные Времена. Похитил прекрасную Жаймилину и с ней отправился...

– Ага, – бесцеремонно перебил Кринаш мальчишку. – Ученые люди как-то вычислили, где эта самая земля должна быть на самом деле. Вот гурлианцы и решили туда сплавать. Но наемники в путь особо не рвутся: легенда-то страшноватая! Людей не хватает, рады любому. Плавание впрямь будет опасным, можно ждать всяких ужасов...

– Самый ужасный ужас спит за две комнаты отсюда! – с выражением сказал Авигир.

Юноша изменился на глазах. Исчезла понурая сутулость, взгляд стал живым и блестящим. Сейчас Авигир не выглядел беззащитным, трогательно нелепым мальчишкой. Молодой мужчина глядел на стену над плечом Кринаша – и видел катящиеся волны, зеленые берега в цветочной пене, звонкие водопады, срывающиеся с темных скал.

– Ну, хозяин, я твой должник! Сколько проживу, столько и в долгу буду! О таком я и мечтать не смел! По стопам великого Ульгира!..

«Даже мгновения не раздумывал!» – укололо Кринаша чувство вины. Вряд ли он узнает, вернулся ли этот отчаянный мечтатель из опасного похода!

Но обратного пути уже нет: вон как светятся глаза юнца!

А если к утру передумает, струсит – значит, ошибся в нем Кринаш. Тогда не жалко, пусть живет подкаблучником у сварливой стервы, демоны с ним!

– Я прямо сейчас отправлюсь в путь! – словно прочел его мысли Авигир.

- Ночью-то? Ну нет, опасно! Я разбужу, когда начнет светать.
- Какой уж тут сон! Я пока напишу пару писем.

* * *

Прозрачная вода рассвета немного развела непроглядные чернила ночи.

Кринаш держал в поводу гнедую лошадь Авигира и чувствовал себя на собственном дворе конокрадом и злоумышленником. Впервые он так провожал гостя – крадучись, воровски, чтобы никого не разбудить.

Забрехал было Хват, высунулся из пристройки Верзила. Кринаш отвесил псу пинка, а рабу махнул рукой: мол, уйди! И продолжил настырно, как заботливый отец:

– Дорогу помнишь?

– Конечно!

– Денег до Гурлиана хватит?

– Если что, продам перстень.

– В харчевнях кошелек не вытаскивай, деньгами не хвались. Со случайными попутчиками не откровенничай. Слуга – человек надежный?

– Верю ему больше, чем себе.

Занятые беседой, эти двое не заметили, как на крыльце мелькнула темная фигура – и скользнула в дверь, которую Кринаш оставил приоткрытой...

– Ну, храни тебя Безликие! Письма я передам... Не написал, что едешь в Аргосмир?

– Не такой уж я дурак!

Авигир вывел свою гнедую за ограду, вскочил в седло – и копыта ударили по размякшей от недавнего дождя земле.

Хозяин затворил калитку, задвинул засов. Обернулся на одно из верхних окон и улыбнулся при мысли, что барышня Рурита в это оконце могла бы увидеть своего жениха, скачущего прочь.

Вины перед гостьей он не чувствовал. Не столько потому, что она хаяла «Посох чародея», сколько из-за ее жестокого каприза: пусть, мол, Кринаш высечет Верзилу...

Как же! Сейчас! Из-за прихоти проезжей дуры он положит своего раба под кнут!

Кринаш старался со слугами обращаться со спокойной, разумной строгостью, но от себя не скроешь: к Верзиле у него отношение было особое. В нем хозяин видел собственную судьбу – какой она могла бы стать.

Пусть бедняга потерял память, пусть не знает, кем был прежде и какое носил имя, – все равно многое в нем выдает прежнее ремесло.

Воин. Явно воин. Это помнят руки, помнят глаза, слишком гордые для невольника. Да, в каменоломнях плети надсмотрщиков научили его терпению, но терпение и смирение – не одно и то же. Хоть старается Верзила угодить нынешнему хозяину, нет в нем лстивого подострастия, которое выдает того, кто рожден в рабстве.

Кринаш, бывший десятник, готов спорить на что угодно: парень был наемником!

Не забыть одного случая... Как-то в тревожное время, когда приходилось ждать нападения разбойников, Кринаш ночью вышел взглянуть, не спит ли Верзила, поставленный охранять двор.

Верзила не спал.

Он стоял в полосе лунного света – серьезный, собранный, с закаменевшим лицом. В руках держал палку от старой, давно растрепавшейся метлы. Сейчас палка не выглядела ни смешной, ни жалкой – так привычно подняли ее широкие ладони в позицию «верхний щит». Тело легко и естественно приняло боевую стойку, деревянный «меч» описал полукруг – прием этот назывался «крыло бабочки».

Кринаш бесшумно повернулся и ушел незамеченным. Не мог он на это смотреть. Больно было. Тошно.

Попавшему в плен наемнику дают, по обычаю, возможность откупиться. Не сможет – станет рабом. Такой участи Кринаш когда-то боялся хуже смерти. Деньги тогда у него не держались (может, оттого теперь и стал таким прижимистым), а родни, чтоб выручить, не было... А потерянная память... Да сколько раз Кринашу в битве перепадало по голове – вон и шрам на лбу остался. Могли ему память отбить? Могли. И очень даже запросто...

С тех пор и повелось: смотрит Кринаш на Верзилу – видит себя. И старается не обидеть его зря, не унизить лишний раз. Была даже шальная мысль: не даль ли парню волю? Но потом Кринаш прикинул: а что для бедняги изменится? Уйдет? А куда? Где ему будет лучше-то – без имени, без памяти, без друзей? А здесь честная работа, верный кусок хлеба и люди, которые к нему неплохо относятся. А раз так, то незачем Кринашу спешить с ненужными добрыми делами и разбрасываться собственным имуществом...

За раздумьями хозяин вошел в дом, остановился у деревянной лестницы. Надо отдать барышне письмо как можно позже. Пусть уж крики и вопли начнутся перед самым отплытием «Летящего»...

И ответом на эту мысль сверху донесся крик, полный боли и испуга. Мужской крик.

* * *

Лицо Эйнеса было белым, но глаза глядели неустрашимо, со злым весельем. Глаза смелого человека, который понимает, что легко отделался, столкнувшись лицом к лицу со смертью.

Он сидел на скамье в трапезной, стягивая правой рукой окровавленную рубашку на левом плече. Кринаш негромко объяснял перепуганной Недотепке, в каком сундуке лежит чистое полотно для перевязки. Дагерта на кухне грела воду. Постояльцы столпились вокруг пострадавшего. Надо ж, человека ножом ударили! Да еще в «Посохе чародея» – вроде бы спокойное, безопасное место!

Последним на шум выбежал Жамис. С лестницы оглядел происходящее, в ужасе расширил глаза при виде крови и брякнул нечто совершенно неуместное:

– Господа, умоляю, не разбудите мою девочку!

И смутился, осознав свою бестактность.

Превозмогая боль, Эйнес усмехнулся:

– Вот уж чего мы все не хотим, почтенный, так это разбудить твою девочку!

Недотепка с необычной для себя прытью принесла полотно. Кринаш сноровисто промыл рану теплой водой и перевязал, приговаривая, что это пустяки, он видал раны и похуже, а заживали за милую душу.

Закончив перевязку, он свирепо обернулся к Уанаи, которая спокойно взирала на происходящее:

– Твоих парней работа? Говори, гадюка чужеземная!

Ксуури не обиделась и не испугалась. Ответила примирительно:

– Зачем нам это? Я еще не потеряла надежды перезимовать здесь. Глупо было бы портить отношения с тобой.

– Не на тех войско ведешь, хозяин! Один в грехах, другой в ответе, да? – поддержал атаманшу Бурьян с таким оскорбленным видом, какой бывает только у мошенников, вообразивших, что совесть их чиста.

Кринаш раздосадованно замолчал. Убедили его не слова разбойника, а сама рана, явно нанесенная неопытной и не очень сильной рукой.

– Да кто б ни ударил, – хмыкнул бородатый стражник, – его уже след простыл!

– А вот и нет! – злорадно сообщил Эйнес. – Я просто ждал, когда меня перевяжут. А этот гад и не собирается удирать. Думает, я его не разглядел! – Эйнес скользнул взглядом по изумленным лицам и точным, как удар клинка, движением руки выделил из толпы одного человека. – Про тебя говорю, любезный, про тебя. Не прикидывайся барашком. Рассказывай, чем я тебе не угодил. Вроде впервые видимся!

Все отшатнулись от бродячего певца Арби. А тот в недоумении огляделся, пытаясь понять, на кого указывает Эйнес. Понял – и побелел, задохнулся от гнева:

– Я?! Да ты что... Да как ты можешь...

Он не успел договорить: на крыльце послышалась возня. В трапезную ввалился торжествующий Верзила:

– Поймал гада! Он уже у калитки засов снял. Еще чуть – и ушел бы.

И с победным рыком втолкнул в кольцо ошарашенных людей свою добычу.

Потрепанная куртка, длинные золотисто-каштановые волосы, перепуганные серо-зеленые глаза... Певец Арби!

* * *

С другого берега, с крутого откоса, на постоянный двор глядели два ящера.

Они полулежали на мокрой опавшей листве, устремив на темный частокол неподвижный взгляд маленьких красных глазок. На макушке у каждого красовался еще один глаз – большой и зеленый, он глядел в небеса.

Одному из ящеров невыносимо хотелось подняться на задние лапы. Ящерок был почти детенышем – об этом говорил угольно-черный цвет чешуи. Пузо было по-детски тонкокожим, и мелкие камешки, затесавшиеся в листве, неприятно впивались в него. Но встать не позволяло воспитание: нельзя возвышаться над старшим! Это можно истолковать как вызов на поединок.

А учитель-то как распластался! Ему-то что: брюхо уже ороговело, все нипочем!

Чтобы отогнать неприятные мысли, черный ящерок завозился и прошипел:

– Это и есть человеческое логово?

Здоровенный хвост, мощный и гибкий, взлетев с желтых листьев, обрушился на хребет юнца. Вслед за ударом донеслось укоризненное шипение:

– Почтительный ученик не прерывает размышления учителя!

Человека такой удар убил бы на месте. Но для ящера это было что-то вроде беззлобного подзатыльника.

Ящерок жестом извинения убрал передние лапы под брюхо и жалобно просвистел:

– Учитель, а зачем нам эти суровые края? Мама говорила: иногда здесь так холодно, что вода становится твердой!

– Я это видел, – важно подтвердил старший ящер.

Он сам был еще молод: темная чешуя лишь недавно подернулась голубовато-сизыми разводами. Уткнувшийся носом в листву юнец был его первым учеником. Приятно было ощущать себя солидным и мудрым.

– Зато этот мир восхитительно неподвижен, – объяснил он, – не сминается в складки. Место, которое Большелапый назвал Дивной Купелью, может стать убежищем чуть ли не для половины самок с детенышами. Ведь их осталось так мало!

– Мы обязаны заботиться о самках и детенышах! – подтвердил юнец, горделиво задрав носишко (смешное это было зрелище). – А люди за рекой – мы убьем их?

– Если понадобится. Но сначала надо узнать о них как можно больше. Этим занимается Короткий Хвост.

Молодой ящерок от восторга издал хлюпающий звук и высунул раздвоенный язык.

Короткий Хвост – это имя! Кто еще обладает такой магической силой? Кто так искусно принимает любые обличья? Кто может так ловко высмотреть чужую тайну, слизнуть ее длинным языком, расхрупать на крепких клыках?

Как же здорово будет говорить когда-нибудь своим ученикам: «Дело, которым занимались Короткий Хвост и я...» Нет, пожалуй, иначе: «Я и Короткий Хвост...»

* * *

Два одинаковых человека в одинаковой одежде с одинаковой ненавистью глядели друг на друга. Оба были красными и растрепанными: только что тузили друг друга, катаясь по полу. Их растащили – и тут же вспыхнул спор среди постояльцев: кого из двойников приволок со двора Верзила, а кто всю ночь был в трапезной? Перепутались, мерзавцы!

Оба певца били себя в грудь и сбивчиво клялись в своей подлинности и неповторимости.

Толстый стражник, больше других боявшийся черного колдовства, предложил привязать обоим двойникам по камню на шею и швырнуть в Тагизарну. На всякий случай. В ответ Дагерта пригрозила его самого туда спихнуть, чтоб охолонул малость. В «Посохе чародея» еще никого зря не обижали. Разобраться надо!

Уанаи вежливо внесла предложение: оба «Арби» могли бы спеть, голос выдаст самозванца. Идею отвергли: во-первых, двойники порядком охрипли, обвиняя друг друга в злодейских замыслах, а во-вторых, настоящего Арби не слышал никто, кроме самой Уанаи (если не считать короткой песенки на пристани). А разбойнице-чужеземке никто толком не верил.

Но слова ксуури навели Кринаша на нечеткую мысль. Пение – музыка – лютня... где она, кстати? Ага, вот, висит на стене. Два певца, а лютня одна...

В глазах хозяина мелькнула искорка. Он что-то шепнул Верзиле. Тот кивнул и вышел.

А Кринаш обернулся к двойникам:

– Да чтоб вас демоны сожрали! Чтоб вас на последнем костре огонь не взял! В болото под кочку такие развлеченьица! У меня приличный постоялый двор, всякую шваль не пускаю, а тут... – Голос становился все громче. – Нет чтоб в «Жареном петухе» такие выкрутасы откалывать!

Все притихли. Дагерта недоумевала: ее муж, всегда сдержанный и спокойный, вел себя хуже барышни Руриты!

А Кринаш ярился все злее:

– Правильно люди говорят: обоим камень на шею – да в воду! Так и сделаю! А мне, дураку, вперед наука: смотри, кого на порог пускаешь! Музыка мне захотелось! – Кринаш окинул ни в чем не повинную лютню взором кровного врага. – Музыка, чтоб ее Серая Старуха наизнанку вывернула и узлом завязала! – Хозяин сорвал лютню со стены. – Знал бы заранее, взял бы эту бренчалку поганую – да об стену и... – Он широко размахнулся.

Тут один из двойников сбросил с себя оцепенение, метнулся к Кринашу, повис на его руке, спасая лютню.

А второй «Арби», воспользовавшись тем, что все отвлеклись на разыгранную Кринашем сцену, метнулся за дверь.

Тут же на крыльце послышалась возня. Верзила весело прокричал:

– Держу, хозяин, держу!.. Да не дергайся, зараза, удавлю!

– Возьми свою лютню, парень, – спокойно сказал Кринаш, опустив руку. – Я хотел только...

Он не договорил: на крыльце раздался вопль, свирепая брань Верзилы, топот по ступеням. Хозяин рванулся к дверям. За ним – все, даже морщившийся от боли Эйнес.

Но они опоздали. Верзила стоял у распахнутой калитки и смотрел вслед огромной серой птице, рывками поднимавшейся выше и выше.

– Смылся, гад, цапнул меня... – Слуга угрюмо глянул на прокушенное до крови левое запястье. – Засов уже был снят. Я догнал, за рукав схватил, клочок выдрал. А он птицей обернулся, колдун проклятуший!

– Или колдунья, – негромко сказал Эйнес, глядя на кусок материи в кулаке раба.

Верзила опустил глаза на свою добычу – и чуть не уронил наземь. То, что было обрывком серого полотна – точь-в-точь как тот, из которого была сшита рубаха певца! – вдруг оказалось лоскутом узорной ткани с нежным серебряным отливом.

Гость прав: такая материя идет на женские платья, причем очень дорогие.

Лоскут пошел по рукам, но никто не успел высказать своего мнения о чудесах, творящихся на постоялом дворе. С крыльца донесся пронзительный женский голос:

– Неужели в этом ужасном заведении нет порядка и покоя ни днем, ни ночью?

На крыльце, поеживаясь от утреннего холода, стояла заспанная, но сердитая Рурита.

* * *

Происшествие, которое в другое время надолго стало бы темой для пересудов, забылось неожиданно быстро: его заслонили другие события, вихрем завертевшиеся в «Посохе чародея». Виною тому был Кринаш.

Он собирался отдать барышне письмо Авигира перед отплытием «Летящего». Или попросить капитана передать письмо в пути – так ему, капитану, и надо за скупердяйство! Но спокойной жизни все равно не предвиделось (какая разница, о чем голосит эта горластая девица!), и Кринаш решил порадовать мучительницу весточкой от жениха.

Результат оказался неожиданным: Рурита от шока потеряла голос. Выгнувшись дугой, она в немой истерике билась на руках Дагерты, белая, страшная, распялившая рот в беззвучном крике.

Хозяйка постоялого двора моментально изменила отношение к госте: из скандальной стервы та превратилась в бедняжку, брошенную мерзавцем-женихом. Дагерта увела барышню в комнату, на ходу крикнув Недотепке, чтоб та принесла горшок с успокоительным отваром (еще с вечера травки были заварены – на всякий случай).

Жамиса хозяйка не пустила к дочери, и он сидел у стола, разглядывая винную лужицу. Вид у него был такой убитый, что оба стражника подсели рядом – утешить беднягу добрым словом.

– Пусть господин так-то уж не горюет, – фальшиво бодрым голосом начал толстячок. – С деньгами оно так: где потеряешь, а где и найдешь.

– Я не про деньги думаю, – безжизненно отозвался Жамис. – Каково будет Рурите вернуться в Шаугос? Ее же засмеют: жених удрал из-под венца, даже на приданое не позарился! А потом...

Он не договорил, но было ясно: а потом ей доживать век безнадёжной старой девой.

– Ну, денег тоже жаль, – задумчиво промолвил бородатый стражник. – Там две стекольные мастерские с рабами, верно?

– Если б только мастерские! – Жамис побледнел, осознав грандиозность утраты. – А денег столько, что хоть третью мастерскую покупай, – это разве плохо? А драгоценности? А дом в столице – это тебе как? А имение в Лисьих Холмах – это не хочешь?

– Вообще-то хочу, – так же задумчиво протянул стражник. И тут же подобрался, глаза азартно засверкали, как вчера при игре в «радугу». – А ведь мы с господином так и не познакомились. Со вчерашнего дня под одной крышей, а имя я не назвал. Я Неркур Блестящий Коготь из Рода Уммедек. – Он голосом выделил слова «из Рода». – И если кому интересно – я не женат.

До Жамиса не сразу дошло, что хочет ему сказать надоедливый утешитель. А понял – захлопал глазами:

– А... как же... разве получится?

– Чего ж не получится? – хмыкнул Неркур. – Хозяин, тут вроде храм неподалеку?..

– Не храм, жертвенник. Рядом, в деревне, – с готовностью ответил Кринаш, который при виде отчаяния Руриты несколько смутился. – Но жрец самый настоящий. К нему со всей округи приезжают браки заключать – не в город же ради этого ехать!

– Ну, дела! – ошалело покрутил головой толстый стражник и тут же спохватился: – А я ведь тоже не женат!

– Сиди! – свысока бросил ему приятель. – Ты из Семейства, так не влезай в разговор Сыновей Рода!

– Я сейчас... – забормотал Жамис, вскочив со скамьи. – Мне проведать доченьку...

Вывести Руриту из комнаты удалось быстрее, чем ожидали постояльцы, дружно заинтересовавшиеся таким оборотом дела. То ли подействовало зелье Дагерты, то ли девушка усилием воли взяла себя в руки... Шла бледная, но прямая, с высоко поднятой головой (Дагерта успела на скорую руку привести в порядок ее волосы и одежду).

– Деточка, – залезбил отец, – господин из Рода Уммедек делает тебе предложение...

И замер, боясьдохнуть. Его норовистая дочь запросто могла обругать жениха, повернуться, уйти – а потом всю жизнь жалеть об этом.

Почувствовав серьезность момента, хозяйка с лестницы подала реплику:

– А уж эти как иззавидуются, из Рода Зиннифер!

То ли вовремя пришли эти слова, то ли Рурита оказалась разумнее, чем ожидал отец, но барышня вместо бурного отказа неохотно процедила сквозь зубы:

– Ну... может быть... если господин сбреет эту гадкую бороду!

Отец бросил на жениха взгляд, полный ужаса: обидится или нет?

Неркур расправил плечи и расхохотался:

– А почему бы и не сделать невесте перед свадьбой приятное?

* * *

На постоялом дворе было лишь одно зеркало. Именно его вчера грохнула Рурита.

Толстенький стражник двумя пальцами держал самый крупный осколок перед носом приятеля, который, наточив нож и густо намылив физиономию, избавлялся от бороды.

Время у Неркура было: Жамис вместе с хозяином постоялого двора ушел в деревню договариваться со жрецом, невесту Дагерта увела наверх прихорашиваться, а на пристани только-только начали грузить тюки обратно в трюм.

Толстый стражник до тошноты завидовал приятелю, на которого обрушилось богатство. И из зависти старался испортить везунчику настроение:

– Ты у нас теперь в дезертирах числиться будешь, так? Сорвался в бега, господину даже ручкой на прощание не махнул...

– Держи зеркало выше... Сам порядки знаешь: если хозяин задерживает плату больше чем на три месяца, наемник может разорвать договор. Кроме как в королевском войске, ясное дело. Припомни: когда мы от Унтоуса последний раз деньги видали?

Толстяк возвел глаза к потолку и углубился в подсчеты.

– А если даже что не так, – добавил Неркур, – с такими деньжищами я от любых неприятностей отмашусь.

– С такими деньжищами? – переспросил приятель. – А если не поспеешь к сроку? Останешься без денег, без бороды, зато при жене!

Неркур повернул голову, скептически обозревая в зеркале выбритую скулу.

– Что ж, это как в «радугу» все на кон поставить. Проиграю – не сдохну с горя. «При жене...» Так жена ведь не демон с рогами! Ладная девчонка. Глазки, бровки... мне нравится! Такие бойкие в постели хороши, уж можешь мне поверить.

– Бойкие?! – возопил толстяк. – К ней же страшно подойти без забрала! Да и то в прорезь плюнет!

– Сварлива малость, это так, – добродушно признал Неркур. – Так если чересчур надо-есть будет, ее всегда можно древним средством полечить.

– Древним средством? Это каким же?

– А то будто не знаешь! Намотать косу на кулак да всыпать как следует... Не верти зеркало, а то я себе чуть ухо не отхватил.

* * *

Вастер отчаянно била крыльями по воздуху – болело плечо, помятое негодяем-рабом! – и пыталась убедить себя, что не случилось ничего страшного. Да, она поторопилась, поддалась желанию одним ударом покончить с опасностью... Зато Эйнес ранен и вряд ли сможет продолжить путь. Останется отлеживаться на постоялом дворе. У нее будет время подготовить следующий ход.

Лучше всего напустить на врага головорезов из замковой стражи. Там найдутся такие – за горстку медяков родную мать пришибут.

Конечно, есть люди, служившие еще в замке покойного мужа и пришедшие сюда вместе с Вастер: Комар и наррабанец Дэрхи. Но... как же верить им теперь? Разве не они несколько лет назад сообщили Вастер о гибели Эйнеса?

Надо проследить за отплытием «Летящего» – будет ли ее враг на палубе? Если нет, можно вернуться в замок. Она же больна! Надо показаться на глаза мужу, а то как бы Унтоус не решил проведать хворающую женушку!

* * *

– Какая красивая чета! – вздохнул старенький жрец, растроганно глядя вслед крутобому кораблю. Старик говорил искренне: почти полвека соединял он пары – и каждый раз семья, возникающая на его глазах, казалась доброму служителю богов красивой, любящей, счастливой.

А на борту «Летящего» и впрямь царило счастье.

Был весел капитан, которому Жамис пообещал неплохие деньги, если они к сроку успеют в Джангаш. А что ж не успеть, ветер хороший!

Довольно улыбался Неркур: невеста на свадьбе худого слова не сказала, да и сейчас стоит тихая, смиренная, держится за его локоть. (Ох, надолго ли хватит этой кротости?)

Скромно румянилась новобрачная: жених без бороды оказался симпатичным, молодежь-вым мужчиной. Статный, высокий, широкоплечий... Жаль, не видят их сейчас знакомые барышни из Шаугоса!

Лучился счастьем Жамис: деточка успела шепнуть ему, что новый жених нравится ей больше, чем тот цыпленок, который сбежал – и правильно сделал, туда ему и дорога...

– Вряд ли эта идиллия продлится долго, – хриплым голосом сказал Эйнес. – И я не зави-дую Неркуру, даже если он добудет богатство. Проклятые бабы... – Он резко оборвал фразу и поспешил к калитке. За ним поспешил жрец.

На причале остались Кринаш и Дагерта.

– Чем дольше я глядел на эту счастливую пару, – усмехнулся хозяин постоялого двора, – тем глубже понимал, как мне повезло с женой.

Дагерта нежно склонила голову мужу на плечо.

– Как здесь стало тихо! – шепнула она. – Как спокойно!

Они замолчали, наслаждаясь легкими всплесками воды под досками причала, шорохом ветра в ветвях ив...

– Да чтоб этот мир демоны в клочья драли! До чего гнусная штука жизнь, по хребту ее оглоблей! Троллю в задницу такую жизнь! У деревенских ни стыда, ни совести, ни добра, ни жалости! Гадючник поганый, а не деревня, гори она от околицы до околицы! Может, хоть у здешних будет сочувствие к бедной одинокой бабушке?

Разом обернувшись, Кринаш и Дагерта беспомощно взирали на крупную, толстую старуху, которая тяжелыми шагами брела вдоль реки, опираясь на посох. Голос победно летел впереди незваной гостьи, точно конница, которая сметает все с пути катящегося на врага войска.

Ивы затрепетали, словно шарахнулись прочь. Река содрогнулась всеми струями. За частоколом негодующе взвыл пес.

Бабка Гульда!

Ну, добро пожаловать...

Нет и не будет тихого покоя в «Посохе чародея»!

3. ОГОНЕК ВО ТЬМЕ

Тореол Скала Встречи, государь Силурана, с отвращением глядел в окно.

Вид, представший королевским очам, отнюдь не заслуживал отвращения: это была знаменитая Галерея Предков, украшенная по фронтому изображениями животных и птиц – символами двенадцати Кланов. Три года назад выше всех вздымалась каменная фигура вепря. Сейчас над остальными статуями гордо простер распахнутые крылья орел.

Но Тореол не испытывал ни радости, ни гордости. Блистательная судьба короля уже успела обернуться к нему своей грязной и кровавой изнанкой.

Каким наивным дурачком был он когда-то! Как важно было для него воссесть на престол! Казалось, этим он утвердит справедливость, исполнит волю богов, преградит путь к власти незаконному претенденту, способному погубить страну.

Не послужила предупреждением даже потеря Керутана – друга и великого героя. Прославленного бойца погубил чародей из Стаи!

Ну, вот Тореол и на троне. Получай, чего хотел! Ешь досыта! И льстивые улыбочки бывшей Стаи, и сети заговоров гуще паутины, и... ох, они же до Фаури добрались, проклятые подонки! Ладно, ему, Тореолу, целят кинжалом меж лопаток – он мужчина, как-нибудь постоит за себя! Но Фаури, гибкая красавица с фиалковыми очами – ее-то за что?..

За спиной послышался тихий сочувственный голос:

– Хранитель Деймира сообщил: ларец уже в пути. Даже если посланные застрянут на осенних дорогах – доберутся до столицы, когда грязь подмерзнет. Они успеют, государь!

Король прикусил губу. К этому человеку трудно было привыкнуть. Угадывает мысли не то что по лицу, а по спине, по плечам! А сам как в плаще-невидимке: не вспомнишь о нем, пока не заговорит. За что и прозван Незаметным...

Тореол обернулся и сухо сказал:

– Хвалишься, что у тебя везде глаза и уши, а проморгал такой ужас возле престола!

Незаметный потупился – не только потому, что долгая служба трону приучила его как можно реже спорить с королями. Нет, он в самом деле чувствовал себя виноватым. Заговор раскрыл не он, матерый придворный хищник, а тихая, добрая, далекая от интриг королева.

У светлой Фаури магический дар: она может видеть прошлое – и показывать другим то, что увидела. Но лишь тогда, когда ей очень плохо.

А ей было очень плохо в тот день, когда дала о себе знать беременность. Настолько плохо, что позеленевшая, разом осунувшаяся женщина решила: это яд! И прокричала, вцепившись в руку мужа: «Я – хочу – знать – кто – решил – меня – извести!»

Воля чародейки исполнилась. И сама она, и король, и находившийся в комнате Незаметный воочию увидели встречу злодея Шадхара и некоего наррабанца. И услышали их беседу. Заговорщик, оказывается, на нял заморского колдуна для своих поганных замыслов. Им, видите ли, по каким-то причинам нежелательно устранять Тореола именно сейчас, но нельзя допустить, чтобы он обзавелся наследником... Проклятый колдун заверил Шадхара, что порчу навести легко. Если королева забеременеет, до последнего дня у нее все будет в порядке, но во время родов ребенок погибнет...

Когда омерзительное видение исчезло, Тореол не сразу смог перевести дыхание – в такой тугой ком сбилась в горле черная брань. Выплюнул самые свирепые проклятья – и обнаружил, что Незаметного в комнате нет. Значит, розыск преступников уже начался...

Проклятый заговорщик тогда ускользнул, зато наррабанский колдун удрать не сумел!

Впервые в жизни Тореол присутствовал при пытке и хладнокровно смотрел на мучения того, кто пытался погубить Фаури и ребенка.

Колдун сломался быстро: не только выдал сообщников, но и признался, что не может снять им же наведенную порчу. Но знает, как это сделать.

На юге, у Лунных гор, стоит Трехбашенный замок, им владеет Клан Медведя. Дед нынешнего властителя привез из Наррабана безделушку на цепочке: цветок из слоновой кости, сердцевинка серебряная. Как досталась силуранцу эта вещь – долго рассказывать, но цены ей он не знает: так, занятная побрякушка. А талисман этот носит имя Лотос-Целитель, он избавляет от злых чар. Наррабанец, оказывается, для того и прибыл в Силуран, чтобы вернуть амулет, некогда принадлежавший его семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.